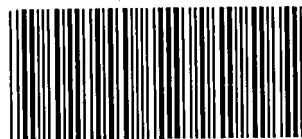

На правах рукописи

ЕРУСАЛИМСКИЙ КОНСТАНТИН ЮРЬЕВИЧ

4857100

**МОСКОВИТЫ В ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – НАЧАЛА XVII В.**

24.00.01 – Теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

13 ОКТ 2011

Москва – 2011

Работа выполнена на кафедре истории и теории культуры Федерального бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный гуманитарный университет»

Научный консультант: академик РАО, профессор, д-р ист. наук
ШМИДТ СИГУРД ОТТОВИЧ

Официальные оппоненты: член-корреспондент РАН, д-р ист. наук
ФЛОРЯ БОРИС НИКОЛАЕВИЧ

профессор, д-р ист. наук
КУРУКИН ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ

профессор, д-р ист. наук
САНИН ГЕННАДИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Ведущая организация: Институт всеобщей истории Российской Академии наук

Защита состоится «14» ноября 2011 года в 14⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д.212.198.06 в Российском государственном гуманитарном университете по адресу: 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке РГГУ.

Автореферат разослан «28» сентября 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат культурологии

С.А. Еремеева

I. Общая характеристика работы

Актуальность

Становление Российского государства и Речи Посполитой в конце XV – начале XVII в. было сопряжено в обеих этих странах с формированием надкняжеского государства. Одним из последствий и одним из проявлений этого обновления было ускорение миграционных и интегративных процессов, пересмотр суверенами вопросов зависимости, подданства, лояльности. В исторической науке «отъезды» и формирование раннемодерных государств в восточной Европе обсуждаются в одном ряду с XIX в., но несмотря на обилие исследовательских концепций взаимосвязи между миграциями и суверенитетом, многие проблемы в этой области изучены недостаточно, в частности – проблема воздействия эмиграции из России на культуру и общественные отношения восточной Европы в раннее новое время.

Работа исследователя над данной проблемой затруднена по многим причинам. Прежде всего, не поддается точному определению само изучаемое явление. Большинство переселений на восточноевропейском «фронтире» происходило на спорных русских землях, которые сохраняли историческое единство, несмотря на их фактическую принадлежность нескольким новым государствам. Претензии Польско-Литовского государства на Новгород, Псков, Смоленск, Полоцк, северские княжества, Ливонию, отказ польско-литовских монархов признавать царский титул московских великих князей и ряд территориальных определений их господарского и великокняжеского титула означали, что Ягеллоны и их наследники стремились подчинить Короне Польской и Великому княжеству Литовскому большинство русских земель и всю Ливонию. В ответ выдвигались требования «вернуть» в состав московской Русской земли все «Киевское наследство» – Киев, все русские земли правобережной Украины вплоть до Дуная, белорусско-литовские русские земли, а также всю Ливонию.

Люди, уезжавшие из Московской Руси в Корону или Литву, как и те, кто двигался в обратном направлении, пересекали подвижную границу и не должны были проходить сложную религиозную или этноязыковую адаптацию. Принципиальными новшествами для московских русских в Речи Посполитой были ограниченные полномочия королевской и господарской власти, европеизированные административные и политические устои, зрелое феодальное общество со сравнительно четкими социальными градациями и сословными правами. Вокруг эмигрантов из России в момент пе-

ресечения границы складывался своеобразный ореол идентичностей, они облекались в «изменников господаря» в бывшем своем отечестве и «москвитов» – в новом. За этими идентификатами тянулись шлейфы стереотипов, дискурсов и практик, изучение которых может внести существенные изменения в понимание скрытых за ними политических процессов.

Особая трудность связана с несовпадением правовых языков интересующих нас обществ с категориями международного права XX–XXI вв. Для определения насильственной иммиграции и эмиграции в российском законодательстве наших дней отчетливо разграничены понятия «беженец», «вынужденный переселенец», «перемещенное лицо», «иностранный гражданин»¹. Подобных правовых норм не существовало в XV–XVII вв., когда статус перебежчика не был определен. Подвижность границ, а также войны и их обычное следствие – пленные и бродячие люди, вызывали неподконтрольные миграционные потоки. В связи с этим представляет большой интерес поиск данных обо всех московских подданных, перешедших на королевскую и господарскую службу Речи Посполитой.

Особый вопрос касается связи между эмиграцией из России и диссидентством, оппозицией в России. Внутреннюю жизнь государства нельзя изучать, не учитывая развития идентичностей эмигрантов. Эмиграция является частью жизни выталкивающего ее из себя общества. Негативные последствия становления и развития общества сказываются на частоте и численности побегов за рубеж и на том, насколько вынужденным оказывается каждый такой побег. Война, социальные противоречия, борьба с политическим режимом – вот обычные причины сознательного самоустрашения людей из жизни общества. Менее известен был в раннее новое время эскапизм: отказ от социальной роли не был защищен структурами политкорректности, и всякое неприятие человеком того или иного статуса почти всегда предполагало его физическое удаление от того места, где ношение этого статуса было неизбежно. И прежде всего – такое удаление, как пересечение границы, выезд за пределы страны, бегство из общества.

¹ Конвенция ООН о статусе беженца 1951 г., Протокол о статусе беженцев 1967 г., законы РФ «О беженцах» 1993 г., «О вынужденных переселенцах» 1993 г., «О гражданстве Российской Федерации» 2002 г. и др. См.: *Ионцев В.* Россия в мировых миграционных потоках: особенности и тенденции последнего десятилетия (1992–2001 гг.) / В. Ионцев, И. Ивахнюк // Мир в зеркале международной миграции. М., 2002. Вып. 10. С. 38–89; *Андриченко Л.В.* Беженцы / Л.В. Андриченко, В.А. Карташкин // БРЭ. М., 2005. Т. 3. С. 163.

В наши дни оживает – а во многом возникает впервые – интерес к индивидуальным судьбам людей прошлого, и исследования эмиграции позволяют остро поднимать вопросы индивидуального, коллективного, социального в жизнях людей, в их поступках и представлениях. Вряд ли этот путь приведет нас к «типичной личности», однако мы и здесь можем сверить язык исследователя с языками источников и задать вопросы, которые уместны в социологии миграций нового и новейшего времени.

Научная проблема и гипотеза

Новые тенденции в отношениях между Российским и Польско-Литовским государствами генерировались во время Стародубской войны, дипломатических конфликтов 1547–1558 гг. и войн за Ливонию. Основные эмиграционные потоки из России относятся к периодам наиболее острых столкновений между враждующими государствами. Эти войны охватили почти все правление Ивана IV (т. е. 1534–1582 гг.), а сопутствующие им эпидемии, разруха, милитаризация населения подорвали благосостояние десятков тысяч московских подданных, вызвали массовое дезертирство, сказались на самосознании народов восточной Европы. Несогласие части российской служилой элиты с международными планами царя и с его репрессивными мерами в насаждении идеалов государственного подданства вызвали отток элиты и детей боярских из России, сказались на уровне жизни и общем состоянии неслужилого населения.

На основе всего комплекса данных о московитах в Речи Посполитой нами высказаны два взаимосвязанных предположения. Во-первых, польско-литовские власти использовали трудности в стане противника, приглашая на королевскую службу российских перебежчиков и создавая для них приемлемые условия социализации и аккультурации, вознаграждая за выезд и обеспечивая средствами пропорционально социальному статусу, достигнутому эмигрантами в российский период их жизни. Во-вторых, статус «московита» не предполагал превращение его носителя в представителя особого московского этноса, а был временным маркером, и в этом смысле интеграционная модель социализации польско-литовских московитов получила перевес над адаптационной.

Исследование биографических досье российских эмигрантов в Речи Посполитой, составленных нами на основе разнообразных источников, открывает путь срав-

нительной интерпретации социальной инфраструктуры изучаемого региона. Личность в таком исследовании рассматривается как культурный фронт, носитель двойной идентичности, а смена исследовательского объектива с процессов «большой» на процессы «средней» и «малой» длительности позволяет в оговоренных рамках представить, какая мера социального участия, творческого самовыражения достижима для служилого человека российского происхождения в европейском государстве XVI – начала XVII в. и как он этой мерой пользуется.

Как и в Москве, где в центре внимания царя, посольской службы и официального историописания были выдающиеся «изменники», в Польско-Литовской республике возникла своеобразная эмигрантская элита, верхушка которой состояла из тех же москвитов, которые служили объектами демонизации в Москве. Социальный опыт, литературная самореализация и рефлексия кн. А.М. Курбского заставляют нас пересмотреть вопрос о том, был ли он противником объединения русских земель и самодержавия, видел ли в царском совете институт, ограничивающий самодержавие и противостоящий имперской власти монарха, в какой мере воплощал в своих сочинениях и социальной практике московские, а в какой – европейские идеалы, идеи и стратегии.

Объектом нашего исследования является восточноевропейская культура раннего нового времени, тогда как *предметом* исследования послужит эмиграция из Российского царства в Польско-Литовскую республику второй половины XVI – начала XVII в.

Цель диссертационной работы в том, чтобы полномасштабно и многогранно, на максимальном объеме доступных источников изучить феномен российской эмиграции в Короне Польской и Великом княжестве Литовском. В соответствии с данной целью определяются задачи исследования:

- определить те смыслы, которыми наделяли трансграничную миграцию, дезертирство, смену подданства и диссидентство в Российском царстве;
- выявить модели и стратегии репрезентации выходцев из Российского царства в публичных дискурсах Польско-Литовской республики;

- на основе всех доступных источников создать поименную базу данных на российских подданных, оказавшихся в изучаемый период на территории Польско-Литовской республики без санкции российской верховной власти;
- провести социокультурный анализ полученных данных, показать возможности интеграции, социализации, аккультурации и/или адаптации для эмигрантов из различных социальных групп;
- применить индивидуализирующий и генерализирующий подходы к данным публичной и частной жизни эмигрантов;
- на примере биографий выдающихся, первостепенных, наиболее ангажированных эмигрантов, таких, как кн. А.М. Курбский, В.С. Заболоцкий, Т.И. Тетерин, Сарыхозины, Д.И. Бельский, обозначить степень участия «московитов» в общественной жизни Польско-Литовской республики;
- опираясь на литературный корпус сочинений кн. А.М. Курбского, рассмотреть социальное самосознание, историческую память и культурные ориентиры литературно одаренного и рефлексизирующего эмигранта.

Хронологические рамки

В России изучаемый период приходится на годы правления Ивана Грозного, однако нами использованы, в основном ретроспективно, и отдельные источники времени правления Федора Ивановича и Смутного времени, вплоть до четвертого десятилетия XVII в. В Речи Посполитой это – период с первых лет правления Сигизмунда II Августа до смерти Сигизмунда III Вазы. Более надежными для ограничения периода, в пределах которого проводится данное исследование, представляются нам события, связанные с военным противостоянием между Россией и Польско-Литовским государством. Такими событиями нам послужат Стародубская война 1534–1537 гг. на нижней границе и начало Смоленской войны 1632–1634 гг. на его верхней границе. Более строго ограничить данный период не представляется возможным, поскольку ряд явлений, требующих рассмотрения в рамках обозначенной проблемы, выходят за его пределы.

Степень научной разработанности проблемы

I этап. Исследование миграций из России в Речь Посполитую и другие европейские страны в раннее новое время до середины XIX в. ограничивалось немногочисленными сюжетами и было основано на узком круге источников, главным образом – на летописях, переписке и «писаниях» кн. А.М. Курбского. Российские гуманисты и просветители обращались к его биографии и сочинениям, обосновывая свои концепции истории России и не изучая ни его биографии, ни современной ему эмиграции из России (А.И. Лызлов, Ф.П. Орлов Поликарпов, Н.И. Новиков, М.М. Херасков, М.М. Щербатов, митрополит Евгений (Болховитинов)). В историях Н.М. Карамзина и В.Ф. Тимковского обозначился отход от такого образа А.М. Курбского и был создан портрет тираноборца-эмигранта, вызвавший дискуссию в середине XIX в. (Н.Г. Устрялов, Н.Д. Иванишев, С. Горский, М.П. Петровский, Н.А. Попов, З.З. Опоков). Если Н.М. Карамзин, говоря о Курбском, опирался на посольские книги, летописи и Переписку Ивана IV с перебежчиком, то уже Н.Г. Устрялов разыскивал данные о биографии князя в Литовской Метрике, а Н.Д. Иванишев впервые обратился к актовым книгам польско-литовских судов, где обнаружил данные и о других москвитях на королевской службе.

II этап. Факт участия москвитов в жизни «малороссийского» общества был использован в середине XIX в. для формирования доктрины об исконном праве «великороссов» на территории, перешедшие к Российской империи после разделов Речи Посполитой. Научной основой для этой доктрины служил тезис об исконности и постоянном присутствии «великороссов» на восточных окраинах Польско-Литовского государства. Москвиты-перебежчики присоединялись к своим этническим братьям, а следовательно, возвращались на свои земли, предопределяя тенденцию к объединению этих земель с Россией (М.П. Погодин). В ходе дискуссии сформировались точки зрения об исконности украинно-русского населения на территории Руси и слабом влиянии иноэтничного населения и перебежчиков (М.А. Максимович, М.С. Грушевский), о полиэтнизме украинского общества и его постепенной колонизации после Люблинской унии 1569 г. (А. Яблоновский). Им противостояла российская имперская программа (М.Ф. Владимирский-Буданов, Д.И. Довгялло). Позднее, в межвоенной историографии, были оспорены выводы всех дискутантов этого этапа (В. Томкевич, П.Г. Клепачский, В.И. Пичета).

III этап. Тема миграций была поднята, независимо от дискуссии М.Ф. Владимирского-Буданова, М.С. Грушевского и А. Яблоновского, благодаря исследованиям В.О. Ключевского. Его тезисы о «колонизации» как неизбежном факторе русской истории потребовали переосмысления данных о «движении» русских людей по территории России, однако на этом фоне были устранены из истории трансрегиональные миграции. Концепция В.О. Ключевского предполагала, что в исследовательскую оптику попадает, прежде всего, осваивающее территорию «движение» по государственной территории. Присоединение большинства «западных» окраин данной схеме не соответствовало. Тезис В.О. Ключевского был принят П.Н. Милоковым и М.К. Любавским (в его лекциях 1908–1909 гг.), а также косвенно поддерживался позднейшими историками-«евразийцами». М.К. Любавский поддерживал концепцию А. Яблоновского о полиэтнизме украинского населения до Люблинской унии, однако позднее отказался от своей первоначальной концепции, и в 1920-е гг. пришел к выводу, что в этнической карте и административной организации польской и российской «Украины» было много общего.

IV этап. В публикуемых на рубеже XIX и XX вв. источниках появились новые данные о кн. А.М. Курбском и других титулованных феодалах московского происхождения в Речи Посполитой, а также В.С. Заболоцком, Т.И. Тетерине. Описи российских региональных архивов содержали данные об упоминаемых в актовых книгах москвичах. Были намечены синтетические интерпретации концепции А.М. Курбского (С.Ф. Платонов, Г.З. Кунцевич, А.П. Приклонский, В.А. Панов). Прошли плодотворные дискуссии о представлениях И.С. Пересветова (Д.Н. Егоров, С.Л. Авалиани, Ю.А. Яворский, В.Ф. Ржига), получившие затем свое продолжение и развитие (А.А. Кизеветтер, В. Филипп, А.Л. Саккетти, А.А. Зимин и др.).

V этап. Концепция М.К. Любавского претерпела изменения в 1920-е гг., приближая централистскую интерпретацию колониационного движения в России к доктрине «коренизации», регионалистическому пониманию российского прошлого, а с другой стороны – к чуждой историкам школы В.О. Ключевского идее органичного единства восточноевропейской истории раннего нового времени. На сознание советских историков действовали объединительные процессы между советскими республиками и становление СССР. В концепциях М.К. Любавского и М.С. Грушевского с различных позиций отстаивался один и тот же тип проблематизации прошлого, при

котором исследователь искал в исторической географии, отношениях народных масс со средой своего обитания корни национальных идентичностей, регионалистических движений и права на свою обособленную политическую историю.

VI этап. Марксизм на время оттеснил на задний план в исследовательской повестке проблемы межрегиональных культурных контактов. Когда В.И. Пичета в статье 1940 г. пишет о «колонизации Украины и Белоруссии» Польшей после Люблинской унии, миграционные темы им не затрагиваются. Вместе с тем в своих очерках, посвященных белорусской культуре, исследователь останавливается на взглядах кн. А.М. Курбского и москвитях при дворе кн. Ю.Ю. Слуцкого (старец Артемий, его ученик Марк (Сарыхозин)). Описанием их взглядов автор заканчивает очерк «Культура Белоруссии в XVI в.», намечая тем самым общую перспективу формирования белорусско-литовской и российской культур. Польская наука того же периода концентрировала внимание на развитии миграционного законодательства в Речи Посполитой, внутривосточных и военных факторах эмиграции из России (П. Домбковский, П. Скварчинский, О. Халецкий, К. Ходыницкий, В. Конопчинский, С. Бодняк, Л. Колянковский).

VII этап. Во второй половине XX в. открылась и продолжается дискуссия о культурной идентичности кн. А.М. Курбского и других москвитов. Подвижность московских элит во время Ливонской войны была изучена в рамках специальных работ, посвященных опричнине, московскому террору и российской политической культуре. Однако до 1960-х годов эмиграция второй половины XVI в. специально не изучалась. Исследователи ограничивались общими замечаниями об удачных и неудачных побегах из России, отмечали их связь с внутривосточной и международной обстановкой, рассматривали меры российского правительства, противодействующие эмиграции (Л.М. Сухотин, С.Б. Веселовский, И.И. Смирнов, А.А. Зимин, Р.Г. Скрынников). Особое внимание уделялось А.М. Курбскому, однако его биография и литературное наследие вызвали настолько обособленный исследовательский интерес, что общий контекст миграций при рассмотрении его личности был утрачен. Стимулом для нее послужили тщательно подготовленные публикации – сочинений и переводов Курбского, Литовской Метрики, документов из польских архивов, актовых книг волинских судов, а также исследования, открывшие новые данные об эмигрантах (Э.Л. Кинан, Д.К. Уо, И. Ауэрбах, Р.Г. Скрынников, Г.Я. Голенченко, Ю.Д. Рыков, В.В. Ка-

лугин, Е.Л. Немировский, Н.П. Ковальский, Я.Д. Исаевич, И.З. Мыцко, Э.И. Ружицкий, Н.Н. Яковенко, В.Д. Собчук, М.Т. Гембарович, М. Плевчинский). Достижением этого этапа было установление связи между «внутренней эмиграцией» (политическим нонконформизмом и оппозицией в Москве) и эмиграцией за пределы России (Б. Норретрандерс, А.А. Зимин, А.И. Клибанов, С.О. Шмидт, А.Л. Хорошкевич). Усложнилась картина общественной борьбы в самой России и перспектив объединения русских земель в составе Речи Посполитой и Русского государства (Б.Н. Флоря, А.С. Мыльников, М.В. Дмитриев). Была пересмотрена гипотеза о религиозных мотивах перехода литовской знати на московскую службу и намечены задачи многофакторного анализа миграционной мотивации восточноевропейской знати (О.П. Бакус, И. Ауэрбах, И. Граля). Сведения о трудностях адаптации москвитов к польско-литовским социокультурным реалиям потребовали уточнения концепции общего наследия русских земель в XVI–XVII вв. и позволили ряду исследователей более отчетливо сформулировать тезис о социально-политической и культурной разобщенности москвитов и русского населения Речи Посполитой (А. Дубонис, Г. Люлевич, А. Рахуба, И. Граля).

VIII этап. В современной историографии восточноевропейские миграционные исследования представляют собой диверсифицированное проблемное поле. Осмысление эмиграции все дальше отстывает от научных доктрин, сформированных в просветительской, романтической и имперской историографии. В советской исторической науке близкая проблематика разрабатывалась в рамках марксистско-ленинской концепции, соединенной с идеалом «дружбы народов». Само устройство научности препятствовало обращению к широкому кругу источников и решению на их основе проблем, которые в историографии с 1960-х гг. были востребованы, но обсуждались в рамках дореволюционных исследовательских доктрин. История эмиграции из России в «больших» нарративах, посвященных «русским» в Европе и в мире, лишена ретроспективы XVI – первой половины XVII в., по которым нет статистических данных о миграционных потоках. Как следствие, не имея статистического «веса», эмиграция лишена ясных очертаний как социокультурный феномен. Преодоление этого «заговора молчания» (Э.Л. Кинан) возможно только консолидированными усилиями ученых многих стран, и недавние публикации, осуществленные исследователями из Польши (И. Граля, М. Яницкий, М. Страшевич, М. Ференц), Украины (Л. Войтович,

В. Собчук, Н. Старченко, Н. Белоус, И. Тесленко), Литвы (Г. Потащенко, М. Сирутавичус), Белоруссии (Г. Саганович, А. Янушкевич, М. Кошелев, А. Казаков) и России (Т.А. Опарина, М.М. Кром, А.И. Филошкин, К.А. Мазин) показывают значимость миграционной тематики для рассмотрения восточноевропейских культурных контактов, политических процессов в территориальных государствах, формирования идеологии подданства и новых социальных и исторических представлений, а также биографического метода в изучении жизни и творчества самих эмигрантов.

Источники

Одна из главных трудностей в изучении миграционных процессов раннего нового времени заключается в отсутствии компактных источников. Необходимые для нас сведения рассеяны по многим памятникам, большинство из которых не опубликованы и требуют масштабной источниковедческой работы. В целом, переходы москвитов в Польско-Литовское государство плохо документированы и заставляют обращаться к разнотипным источникам, что усложняет предварительную работу и обрекает ее результаты на неполноту.

Наши источники представляют собой осколки от многочисленных собраний, ни одно из которых не сохранило целостных фондов самих москвитов в Речи Посполитой XVI – начала XVII в. Структура делопроизводства и, в целом, источниковая база, дошедшая от Польско-Литовского государства, носит ряд принципиальных отличий от сохранившейся документации российского общества XVI в. Отличием польско-литовского управления от российского, оформившимся в связи с изменениями в общественной структуре этих государств к началу Ливонской войны, была контрактная практика в первом случае и унитарная во втором, влекущие за собой фундаментальные последствия для порядка ведения дел и сказавшиеся на структуре источников. От управления Речи Посполитой в составе Литовской Метрики, архива Радзивиллов, локальных судебных светских и церковных канцелярий, в сборниках актов частных лиц дошло множество эпистолярных и частноправовых документов, публицистических сочинений и т. д.

В то же время московская политическая система не способствовала распространению данных видов источников, управление производилось указами, частнопубличными правовыми актами, наказными памятями и т. д. Состояние источников

по истории служилых людей заслуживает специального рассмотрения из перспективы сравнительного исследования социального статуса человека в России и Речи Посполитой в годы Ливонской войны и первые десятилетия после ее окончания.

Источниками российского происхождения послужили для нас опись царского архива начала XVII в., тексты Судебников Ивана III и Ивана IV, летописные памятники, хронографы, крестоцеловальные грамоты, посольская документация (РГАДА, ф. 52, 53, 78, 79), родословные и разрядные книги, историко-публицистические и эпистолярные сочинения XVI – начала XVII в. (и прежде всего – сочинения кн. А.М. Курбского, письма Ивана IV, Т.И. Тетерина, У.В. Сарыхозина, В.С. Заболоцкого).

В Польско-Литовском государстве ценные источники по нашей теме обнаруживаются в материалах Литовской Метрики (РГАДА, ф. 389), Коронной Метрики (AGAD, МК), Архива Королевской Казны (AGAD, ASK; ЦДІАУК, ф. 1), Архива Войсковой Казны (AGAD, ASK ASW), Архива Радзивиллов (AGAD, AR), актовых книг берестейских, виленских, владимирских, городенских, житомирских, жмудских, ковенских, кременецких, луцких, минских, слонимских, упитских и др. старостинских, гродских, земских, подкоморских судов и Могилевского магистрата, а также выписок из них, подлинных актов, хозяйственных инвентарей и реестров, данин, привилеев, подтверждений на владения (РГАДА, ф. 356; ЦДІАУК, ф. 21, 22, 25, 26, 27, 44; НИАБ, ф. 1705, 1737, 1741, 1755, 1817; VUB, RS, f. 7).

Немало ценных сведений о перебежчиках и пленных москвитях может быть почерпнуто из мемуаров, дневников (Ф. Евлашевский), частной корреспонденции королей (Сигизмунд II Август, Стефан Баторий, Сигизмунд III Ваза), польской и литовской знати и шляхтичей (Я.И. Ходкевич, М.Ю. Радзивилл, К.М. Радзивилл, кн. К.К. Острожский, О.Б. Волович, Ф. Зебжидовский, Я. Замойский), из сеймовых дневников и польско-литовских хроник второй половины XVI – начала XVII в. (М. Кромер, М. Бельский, М. Стрыйковский, А. Гваньини, Л. Гурницкий), тайных реляций агентов Священной Римской империи (аббат И. Цир).

Литературные сочинения польско-литовских гуманистов дополняют наши сведения, а в ряде случаев дают уникальную информацию об образованности, военных талантах и социальном статусе москвитов. Так, о выезде кн. А.М. Курбского на королевскую службу как о выдающемся событии рассказано в «Польской хронике» И. Бельского, трактате «О свободе» А. Волана, «Радзивиллиаде» Я. Радвана, «Гербовни-

ке» Б. Папроцкого. «Записки о Московской войне» Р. Гейденштейна и «Польская хроника» И. Бельского содержат сведения о переходе москвитов на королевскую службу в правление Стефана Батория.

Методы и подходы к решению поставленных задач

За основу исследования приняты здесь методы «тотальной истории», разработанные в рамках социальной истории («школы Анналов»), а также теории культурных контактов и контактных зон, микроисторические подходы, подходы символической и социально-культурной антропологии и связанные с данными подходами концепции повседневности. На наш взгляд, историческое описание, претендующее, в духе «Феодалного общества» М. Блока, на «тотальность» (*histoire totale*), может быть расширено за счет антропологического понятия «насыщенное описание» (*thick description*), разработанного К. Гирцем в «Интерпретации культур», а позднее применявшегося не только в «полевой» этнографии, но и в культурной истории для изучения различных обществ и исторических периодов. Критика, прозвучавшая в адрес К. Гирца, особенно со стороны В. Тернера, Ш. Ортнера, Э. Смита и Д. Леви, уточняла и оттачивала отдельные аспекты этого подхода.

Концепт «культур», выступающих за горизонтами события, не столь отчетлив после этой критики, и не столь очевидно, что за акциями события всегда удастся прочитать «искусственные “данности”» – культурный облик самих акторов или культуры того общества, в котором они воспитаны. И все же мы вправе принять для наших целей «приземленную теорию» историко-символической антропологии. Отказавшись от «культуры» как примордиальной системы и обратившись к локальным социальным дискурсам, мы получаем подвижные, контекстуализованные категории, которые опосредованно укажут нам пути к менее подвижным «большим» контекстам и т. д. Возможно, за счет таких реинтерпретаций мы избежим «культурного примордиализма» и предпочтения, которое пришлось бы отдать рутинным и нормализованным символическим объектам в ущерб уникальным практикам и представлениям².

² *Леви Д.* К вопросу о микроистории / Д. Леви // *Современные методы преподавания новейшей истории*. М., 1996. С. 167–190; *Смит Э.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Смит; пер. с англ. А.В. Смирнова, Ю.М. Филиппова, Э.С. Загашвили и др.; под общ. ред. А.В. Смирнова. М.: Праксис, 2004. С. 278–292; *The Fate of “Culture”: Geertz and Beyond* / ed. S.B. Ortner. Berkeley, CA: University of California Press, 1999. 176 p.

С другой стороны, это восхождение от «казусов» к «историям» не самоцель, поскольку историческое исследование, реконструирующее разноформатные контексты прошлого и опирающееся на принципы антропологической истории, на наш взгляд, отличается от подобных антропологических исследований в этнографии, прежде всего, тем, что историк отдает предпочтение диахроническому измерению символических объектов и событий, а не их структурно-синхронистическим параметрам. Однако, во-первых, предмет нашего исследования нерегулярен, неотрывен от предыстории своего создания, и репрезентативность *одного эмигранта* для истории *эмиграции вообще* является не условием, а способом интерпретации. Во-вторых, обращаясь к дискурсам власти, трансляторами которых являются многие наши источники и их констелляции (фонды и цитации), мы задаемся вопросом о том, насколько наше знание об *изменниках* и *московитах* предписано и ограничено теми рамками и последовательностями, которые создавались для вытеснения, поглощения и подавления оппозиционных «порядков дискурса». В этом смысле сами факты, а также их масштабы и скрепы между ними, будут для нас текстом, в котором соединяются структуры легитимации и умолчания, а работа с таким текстом будет соответствовать той практике, которая получила определение «контрапунктного чтения»³.

Наиболее значимые для данной работы историографические конструкты – концепты *колонизации* и *фронтира* имеют как неприемлемые, так и близкие к названным положениям научные импликации. И в «колониационном» тезисе В.О. Ключевского, и во «фронтире» Ф.Д. Тернера проявились тенденции социальных теорий к переустройству пространственных категорий, конструированию мобильных идентичностей («русский», «американец» и т. д.). Идея социальной идентификации в движении, благодаря движению и освоению пространства, была неординарной, но содержала, в целом, умеренный вызов наукам о духе и обществе, в которых миграционный тезис звучал в дискуссиях о «прародине» франков и германцев, славянских народов, в дебатах о расселении первобытных людей и т. д. Тем не менее концепты *колонизация* и *фронтир* были переосмыслены для интерпретации культурных контактов, контекстного анализа культурных процессов, для конструирования идеи «насыщенного опи-

³ *Солд Е. Культура й імперіялізм / Е. Саїд; перекл. с англ. К. Батанова, Т. Цимбал за участі Н. Іхазалі, Т. Марценюк; наук. ред. В. Чернецький, Т. Цимбал. Київ: Критика, 2007. С. 85–86.*

сания» и микроаналитических техник историко-культурного исследования идентичностей в становлении и идентификации посредством репрезентации⁴.

Тенденция к интеграции гуманитарных и социальных наук вызывает интерес к переосмыслению миграций и у исследователей-антропологов, социологов, правоведов, экономистов⁵. Выработанные в науках о современных миграциях категории *интеграции* и *адаптации*, *push-* и *pull-факторов* миграции, *общества-доноров* и *общества-реципиентов*, *маргинальных групп*, *диаспор* и *социальных сетей* представляет для нас специфическую проблему, заставляя осторожно и критично пользоваться инструментарием, разработанным для изучения и описания современных и новейших типов миграционных процессов⁶.

Одной из тенденций в развитии современного знания о миграциях является реинтерпретация интеграционных процессов в пользу дезинтеграции, большее внимание к распаду этнических групп, к вымиранию, вырождению или перерождению этноса. Отчасти это наследие распада СССР, который, пусть косвенно, но сказался на исследовательских проблемах российской научной пост-современности⁷. А.С. Мильников предложил термин *этнодилаборация*. Распад общностей, по мнению исследователя, является таким же значимым научным предметом, как и этногенез. Предметом анализа такой дисциплины должна быть «судьба человеческой личности», в противовес «абстрактным схемам»: «А ведь люди, составляющие гибнущий этнос, *физически остаются*; они продолжают жить и трудиться, воспроизводя себя как популяцию, но

⁴ Hall S. Cultural Identity and Diaspora / S. Hall // Identity. Community, Culture, Difference. London, 1998. P. 222–237.

⁵ Рыбаковский Л.Л. Россия и новое зарубежье: миграционный обмен и его влияние на демографическую динамику / Л.Л. Рыбаковский. М.: ИСПИ, 1996. 54 с.; Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения / В.А. Ионцев; Центр по изуч. проблем народонаселения МГУ. М.: Диалог-МГУ, 1999. 369, 1 с., ил., карт. (Междунар. миграция населения: Россия и соврем. мир. Вып. 3); Массей Д. Синтетическая теория международной миграции / Д. Массей // Мир в зеркале международной миграции. М., 2002. Вып. 10. С. 161–174; Окольский М. Наступающие цивилизации, уходящие цивилизации на закате XX века. Взгляд с точки зрения демографии / М. Окольский // Там же. С. 175–195; Иларионова Т.С. Миграции в измерении истории, социологии и права / Т.С. Иларионова; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. М.: Изд-во РАГС, 2004. 166, 2 с., табл.

⁶ Гидденс Э. Социология. 2-е изд., полностью перераб. и доп. / Э. Гидденс, при участии К. Бердсола; пер. с англ. М.: УРСС, 2005. С. 218–250; Блинова М.С. Современные социологические теории миграции населения / М.С. Блинова; Социологический фак. МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: КДУ, 2009. 153, 6 с.

⁷ Хорев Б.С. Анализ прогнозных оценок роста мирового населения / Б.С. Хорев // Население и кризисы. Вып. 4. С. 6–23; *Его же*. Российская демография: три позиции в оценке популяций и миграций / Б.С. Хорев // Там же. С. 24–32, здесь с. 26; Арутюнов М.Г. Без новой миграционной политики Российская Федерация обречена на вымирание / М.Г. Арутюнов // Проблемы вынужденной миграции в Российской Федерации: Материалы конференции: Москва, 19–20 апреля 2005 г. М., 2005. С. 48–54.

меня при этом свою этническую ориентацию»⁸. Раскрывая термин *дилаборация*, А.С. Мыльников говорит об «инобытии исчезнувшей северополабской этнической общности», которое «может быть названо постэтнической стадией ассимилированного этноса, физически продолжившего свое существование уже в другом качестве как немец»⁹. Пример подобной «статической миграции» не находит прямого аналога в истории московитов в Речи Посполитой, поскольку в данном случае речь должна идти о значительных группах людей, покидающих свою общность и ту местность, которая занята их родным «этносом». Однако нас здесь интересует аналогичный социокультурный процесс – смена идентичности эмигрантов из Российского государства в ходе их интеграции в жизнь польско-литовского общества, адаптации к новой этнокультурной среде.

Концепты *интеграция*, *адаптация*, *синдром отчуждения* менее удобны для наших целей, поскольку предполагают существование развитых каналов приспособления, либо репрезентативных источников для изучения индивидуальных случаев. Миграционная адаптация выступает в источниках либо как совокупность фактов, которые являются продуктом их интерпретации в качестве того, что соответствует критериям «адаптированного» и «отчужденного», либо как результат продуманной политики, законодательно унифицирующей или иерархично градуирующей возможности личности и группы интегрироваться в принимающее общество. В нашем случае можно будет говорить об адаптационных механизмах только на уровне синтетических предположений после сопоставления правовых моделей и индивидуальных случаев эмиграции из России в Речь Посполитую. Кроме того, миграционным исследованиям известны примеры, когда адаптация происходит посредством частичного отчуждения (примером может служить “*clique effect*”, *эффект клана*)¹⁰.

С другой стороны, интеракция жителей Московской Руси с другими «русскими», а также с другими народами Речи Посполитой не ограничивалась интегративны-

⁸ Мыльников А.С. О феномене статической миграции: К постановке вопроса (по материалам полевых этнологических исследований 2000 года в Северной Германии) / А.С. Мыльников // *Rytis Europos kultūra migracijos kontekste: tarpdalykiniai tyrimai / sudarė I.-R. Merkienė. Vilnius, 2007. С. 64–65.*

⁹ Там же. С. 73.

¹⁰ Поляков Ю.А. История человечества – история адаптации / Ю.А. Поляков // В едином историческом пространстве. Сб. науч. ст. к 60-летию чл.-корр. РАН, д-ра ист. наук, проф. Е.И. Пивовара. М., 2009. С. 11–23; Дробжижева Л.М. Миграции и интеграционные процессы в российском обществе / Л.М. Дробжижева // Там же. С. 192–221; Флорес Н. «Эффект клана»: городские нелегальные миграционные сети мексиканцев в США / Н. Флорес // Тенденции международной миграции: Доклады, представленные на секцию 143 XXV Конференции IUSSP – Международного союза научных исследований в области народонаселения, 18–23 июля 2005 г., Тур, Франция. М., 2006. С. 72–86.

ми задачами, а формировала гибридные представления, модели поведения и этнические стереотипы. Поскольку переезд из московской «Руси» на польско-литовскую «Русь» был связан с пересечением не только физических, но и ментальных границ, процессы, сходные со *статической миграцией* (А.С. Мыльников), могут быть рассмотрены в связи с *внутренней эмиграцией* (С.О. Шмидт).

Проблема происхождения и становления эмиграции из Российского государства в Польско-Литовскую республику решается в данной работе на основе источников, методологических разработок и подходов, которые определяют **научную новизну** диссертационного исследования.

Эмиграция представлена как многофакторное явление, возникшее благодаря как частным обстоятельствам, мотивам и решениям, так и благодаря устойчивым выталкивающим и притягивающим факторам. Ее возникновение связано с трансформациями политико-конфессиональных и этноконфессиональных категорий, благодаря чему возникли перебежчик-«изменник» в московской культуре и «москвит» в польско-литовском общественном сознании.

Исследование проведено как на уровне систематизации масштабного демографического процесса, который выразился в переселении российских подданных на польско-литовские земли, так и на микроуровне, в узких историко-биографических контекстах.

Интерпретация обоих планов осуществлена на значительном массиве данных, многие из которых впервые введены в научный оборот. Этот массив может дополняться за счет расширения исследовательской оптики и новых проблем, что также намечено в данной работе.

Составлен свод данных об эмигрантах, их семьях, обстоятельствах перехода в Литву и Корону Польскую, землевладении, судебных процессах и т. д. Это позволило раскрыть многообразие путей эмиграционного движения, аккультурации и социализации москвитов в новом обществе.

Историко-биографическое исследование показало, что казусный анализ московской эмиграции как сегмента польско-литовского общества позволяет поднять малоразработанные проблемы: увидеть круг общения, имущественные стратегии, правосознание, матримониальное поведение москвитов и в то же время показать труд-

ности самого биографического исследования, вызванные прежде всего спецификой источников.

Московиты, как удалось установить, были активными участниками польско-литовской общественной жизни. Они проявляли себя в интеллектуальной жизни, военном деле, дипломатии, политической борьбе, администрации. Обнаружены новые данные об участии московитов в выработке политических решений. Показаны служебные, родственные и дружеские связи между ними в новом отечестве. Изучено самосознание московитов в Речи Посполитой.

Указанные положения соответствуют следующим пунктам Паспорта специальности ВАК РФ (24.00.01 Теория и история культуры, п. 1. Исторические науки, искусствоведение, культурология): п. 1.11. Взаимодействие универсального и локального в культурном развитии; п. 1.20. Культура и субкультуры. Региональные, возрастные и социальные ориентации различных групп населения в сфере культуры; п. 1.22. Культура и национальный характер; п. 1.29. Культурная политика общества, национальные и региональные аспекты культурной политики.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается:

- в обосновании историко-миграционной проблематики для истории восточноевропейской культуры второй половины XVI – начала XVII в.;
- в разработке методов и подходов исследования источников по истории транс-территориальных миграций российского населения в позднее средневековье и раннее новое время;
- в составлении свода данных о мигрантах-московитах, проживавших в Польско-Литовской республике в годы правления Сигизмунда II Августа, Генриха Валуа, Стефана Батория и в первые годы правления Сигизмунда III Вазы.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается, прежде всего, в том, что оно позволяет создать миграционный угол зрения на историю восточноевропейских международных отношений, культурных и демографических процессов, политической истории, расширить возможности историко-биографического исследования слабо документированных периодов восточноевропейской истории. Разработки, предложенные в данной диссертации, могут быть использованы для составления курсов по истории восточноевропейской культуры, а

также по социально-политической истории России, Польши, Литвы, Украины и Белоруссии, а также по истории Русского зарубежья.

Апробация. Результаты диссертационного исследования озвучивались в научных докладах и обсуждались на международных конференциях в Новогрудке – Гольшанах (сентябрь 2006 г.), Москве (Дом Балтрушайтиса, ноябрь 2006 г.; РГГУ, февраль 2008 г.; Институт славяноведения РАН, апрель 2010 г.; ГПИБ, апрель 2010 г.), Вильнюсе (Институт истории Литвы, ноябрь 2008 г.), Люблине (Польское общество А. фон Гумбольдта, 2009 г.), Санкт-Петербурге – Выборге – Старой Ладоге (Педагогический университет им. А.И. Герцена, октябрь 2009 г.), в научных докладах на семинарах в Гарварде (Семинар украинских исследований, март 2009 г.; Семинар по истории древних славян, апрель 2009 г.). На основе положений данного исследования был разработан спецкурс «История восточноевропейских миграций в новое и новейшее время» (РГГУ, осенний семестр 2009 г., осенний семестр 2010 г.).

Основное содержание исследования и его результаты опубликованы в виде монографии и публикации источника («Сборника Курбского») и более 40 статей, а также тезисов докладов общим объемом около 120 печатных листов.

На защиту в данном диссертационном исследовании выносятся следующие **основные положения:**

- Эмигрант, покидая Российское государство, совершал высшее государственное преступление, которое переводило его, его близких и всех причастных к побегу в положение «изменников». В первой половине XVI в. наметился сдвиг в семантике государственной измены, соответствующий общим тенденциям становления подданства в России. Причастность к большому сообществу мыслилась в летописных текстах древней Руси и северо-восточных летописях XIV – начала XVI в. как единство с «народом», а само понятие «народ» мыслилось как единство участников религиозной церемонии, как правило, возглавляемое главой митрополии или, в отсутствие митрополита, другим церковным иерархом. Перебежчик совершал преступление против «народа» только в том случае, если менял религиозную принадлежность. Идея предательства православия была встроена в понятие «измена» и отличалась от других понятий, характеризующих нарушение лояльности вне сакрального контекста. Осмыс-

ление борьбы с московскими великими князьями как «измены» свидетельствовало о семантическом сдвиге, которому соответствовало переосмысление миссии великокняжеской власти в имперской идеологии Великого княжества Московского.

- Расширение идеологии подданства создает мощный ресурс для реинтерпретации «измены» в середине XVI в. Перемены были вызваны заимствованием терминологии 1-го раздела Литовского Статута и принятием проектов И.С. Пересветова, отражавшихся на Судебнике Ивана IV. Право царя карать «изменников» присваивало московскому суверену господство над христианской общностью и открывало путь к устраниению церковного «печалования», а также передавало светскому суверену полномочия «искоренять измену» в рядах духовенства. Властные дискурсы чутко отреагировали на этот сдвиг, и уже к концу правления Ивана IV под «изменой» понимается комплекс преступлений, подлежащих высшему царскому суду, широким спектром охватывавший такие деяния, как оскорбление имени господаря, ложь и сокрытие важной информации, разглашение государственных тайн, злой умысел против господаря, заговор с целью убить, нанести ущерб, «извести» господаря и его семью, бегство от господаря, вооруженное сопротивление господарю и его подданным, военный поход против вотчины господаря, причастность к любому из названных преступлений. Усилия власти, показывающие точку дискурсивного надлома, были направлены на то, чтобы исключить самого суверена из числа возможных объектов новосозданной идеологии подданства и не допустить обвинений в «измене» в его адрес со стороны подданных, иноземцев и самих «изменников».

- В Польско-Литовской республике перебежчики-московиты встречались с устойчивыми идентификатами «Московит» (“Moschouita”), «Москва» (“Moskwa”), «Москвитин» (“Moskwiczyn”), «Москаль» (“Moskal”), применявшимися для определения выходцев из Москвы и подконтрольных ей территорий. Благодаря воздействию книжных стереотипов, войны, дипломатической практики и деятельности самих иммигрантов из России этот идентификат накладывал на перебежчиков и пленных шлейф оценок и смыслов. Московиты воспринимались в польско-литовском обществе как агрессоры, претендующие на восточные владения короля и господаря, а после взятия Полоцка к этим оценкам сама московская дипломатия добавила тревогу за судьбу Великого княжества Литовского, Пруссии, Жмуди и значительных территорий Короны Польской. Конфликтность обустройства московитов-перебежчиков была от-

части связана с этим стереотипом, который шляхта и новые местные подданные перебежчиков распространяли на всех пришельцев с востока. Переосмысление угрозы с востока в 1560-е гг. было поддержано книжниками-хронистами. Первоначальный, популярный в польско-литовских читательских кругах образ московитов, заимствованный из «Записок о Московии» С. Герберштейна, наполнился дополнительными угрожающими коннотациями в переложениях Герберштейна хронистами М. Бельским, М. Стрыйковским и А. Гваньини. В польско-литовских хрониках региональная вариативность культур московской «Руссии» Герберштейна была устранена, и ее место занял унифицированный образ московитов как лояльного тирана, бедного и агрессивного варварского народа. Этот образ получил двойное развитие в применении к перебежчикам. С одной стороны, он пробуждал конфликтную этничность, о чем свидетельствуют судебные расследования об оскорблении эмигрантов словом «москвитин». С другой – побег простых детей боярских, а тем более высокопоставленных московитов, осмысленный еще в начале XVI в. как переход от тираннии к правам и свободам, представлялся доказательством того, что победа над тираном – совместное дело польско-литовских подданных и наиболее сознательных московитов.

- Эмиграция из Российского государства фиксируется в источниках еще в эпоху княжеских миграций конца XIV – начала XVI в. Войны Польско-Литовского и Российского государства, борьба между Польско-Литовской республикой и Россией за территориальное и символическое господство формируют основные миграционные потоки. Факторный анализ эмиграции из России показывает, что к середине XVI в. выталкивающими факторами были борьба придворных групп и кланов в Москве (вплоть до неудачного побега кн. М.В. Глинского), осознаваемая дворянством несправедливость социальной иерархии и социальной мобильности в Москве (о чем размышлял И.С. Пересветов), а также дезертирство (во время Стародубской войны 1534–1537 гг.). В годы Ливонской войны царские репрессии вызвали рост эмиграции из России, однако и сами репрессии были результатом навязывания идеологии подданства в ее чрезвычайной форме (о несправедливости насильственного крестоцелования пишет в эмиграции А.М. Курбский). Эта идеология рассматривалась властью, и прежде всего самим Иваном IV, как необходимая мера для подавления «измены», служебного «нерадения» и оппозиционных настроений среди сторонников мирного сосуществования с Польско-Литовским государством. Как показывает воздействие

опричины на миграционные потоки из России и военное дезертирство времен Московских походов Стефана Батория, чрезвычайная модель подданства, призванная сковать эмиграцию, не только не выполнила этой миссии, но и, наоборот, сформировала фактор страха в мотивации перебежчиков.

- Российские эмигранты встретили в Речи Посполитой сложное и часто острокритичное отношение к себе со стороны автохтонной шляхты, горожан и селян, не избежав и конкуренции со стороны своих бывших соотечественников. Московиты-шляхтичи на королевской службе втягивались уже в первом поколении в систему феодальных бенефициев, а слуги магнатов, шляхты и других московитов получали права, сопоставимые с правами королевских московитов, с той разницей, что гарантом их прав выступал их непосредственный сюзерен. Эта модель предполагала социализацию и аккультурацию московита. Интегративные стратегии были для московитов закрыты самим фактом их происхождения из страны, которая в восприятии местной интеллектуальной элиты отличалась варварством и дикостью нравов. Селяне и мещане также находили свои ниши и в ряде случаев уже в первом поколении получали права своего сословия, оставаясь при этом «московитами». В то же время невольнический рынок в Речи Посполитой к концу Ливонской войны был наполнен московской челядью и «девушками-московками», что усиливало стереотип рабского московита. Многие российские эмигранты не нашли себе места в польском и литовском обществе, вынуждены были или считали более выгодным выехать из Речи Посполитой в другие страны, нередко в Венгрию, Италию, Священную Римскую империю, Скандинавию, или бежать к казакам, где к концу XVI в. собралось немало выходцев из России. Бытование образа запорожского казака в официальной риторике Речи Посполитой конца XVI – начала XVII в. говорит о стремлении власти соединить московскую угрозу с угрозой казаческого восстания. Лишь немногим эмигрантам из России удалось социализироваться в новом отечестве, создать прочные родственные связи с местным населением и сделать успешную карьеру. Это отразилось на ничтожной сохранности личных и семейных архивов московитов Речи Посполитой.

- Биография и идейный мир кн. А.М. Курбского могут быть представлены на фоне истории его соотечественников в Речи Посполитой. Его лидерство в рядах московской эмиграции было несомненным для его современников и в России, и в самой Речи Посполитой. Однако это лидерство проявилось далеко не во всех статусных

факторах. Субстанциональные независимые факторы (происхождение, местнический статус родителей и т. д.) не позволяли ему занять положение лидера ни в России, ни в Речи Посполитой, однако в своих рассуждениях о власти и прошлом русских земель князь видел именно связь лучших своих качеств и наибольших жизненных успехов с достижениями предков или небесным заступничеством. Свои победы на службе царю и республике он приписывал заступничеству предков и божественной благодати. Более того, в этой же сфере князь обнаруживал главные недостатки верховной власти в Москве, так как тамошние великие князья «изначала» и «от прародителей» своих привыкли к жестокости и кровопролитию. С другой стороны, княжеский титул не был для А.М. Курбского показателем превосходства его носителя над прочими «защными мужами». Княжеский титул в его текстах всегда – признак властных полномочий, но нигде не гарантия единовластия. Князь выступает за имперское устройство Русской земли и считает, что Святорусское царство должно и названием, и своей территориальной организацией власти напоминать Священную Римскую империю. При этом на выборах короля Речи Посполитой в 1572–1573 гг. Курбский поддержал православную кандидатуру из рядов высшей русской знати, но при этом от лица православных русинов возглавлял тайные переговоры с партией сторонников императора Максимилиана II.

- Субстанциональные усвоенные факторы социального статуса складывались из нескольких очень значительных успехов кн. А.М. Курбского. В Москве к их числу относятся прославление его геройства и ранений, получение боярского чина и пост первого воеводы большого полка. Этим неординарным успехам сопутствовало приближение к царю, то есть реляционный фактор, служащий существенной подпиткой для субстанциональных усвоенных факторов в статусе князя. Как мы показываем, именно неформальные успехи в придворной службе и возвели Андрея Курбского на высоту первосоветника и послужили причиной его отстранения и опалы, обернувшейся карьерной драмой и побегом князя в апреле 1564 г. Сопоставляя его польско-литовский статус с московским, мы обнаружили принципиально различные механизмы в формировании его престижа. Субстанциональные усвоенные факторы в его статусе не менее значительны в Речи Посполитой, однако они складываются из иных составляющих. Место военных талантов и советнического искусства занимает землевладение, староства, латинская образованность, матримониальное родство (о проис-

хождении жены Курбского в России нет данных). Все эти факторы были зыбкой почвой для «ученейшего москвитя», их следует отнести, на наш взгляд, к категории реляционных. Неформальный престиж обеспечивали князю пропаганда его успехов, внимание со стороны Ивана IV и авторитет богослова, литератора и переводчика, однако сам князь после смерти Сигизмунда II Августа теряет интерес к политике и карьере и обращается к душевспасительной литературной работе. В правление Стефана Батория его статус заметно ослаблен, особенно из-за усиления приближенного к королю москвитя В.С. Заболоцкого и из-за развода князя с М.Ю. Гольшанской.

- Многие российские перебежчики получали имения на русских землях Великого Княжества Литовского и Короны Польской и вливались в православное население, исповедующее православие или относящееся к нему толерантно. Эпоха Ливонской войны и правления Сигизмунда III Вазы стала для Речи Посполитой временем формирования государственного устройства «двух народов», а также шляхетской демократии и сарматской идентичности. Концепции М. Стрыйковского, Я. Радвана, А.М. Курбского включали москвитов и Московское государство в состав воображаемой Руси и предполагали его инкорпорацию в качестве значимого сегмента «третьего народа» Речи Посполитой. С этой точки зрения, вопрос миграций должен быть переведен в плоскость этногеографических проектов, а политика польско-литовских властей, направленная на прием российских мигрантов, – переосмыслена в свете этого тезиса.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, семи Глав, Заключения, Списка использованной литературы, трех Приложений и Списка сокращений.

II. Содержание работы

Во Введении сформулирована научная проблема, показана ее актуальность, намечены пути ее исследования и обозначены основные гипотезы.

В I главе «Историография и источники» изучены концепции исследователей раннемодерной российской эмиграции, рассмотрено современное состояние данной проблемы, охарактеризованы основные источники и группы источников российского, польско-литовского и европейского происхождения.

Становление направлений в изучении миграций из России, как показано в гл. I п. 1 «Историография», происходило в восемь основных этапов, которые охарактери-

зованы выше в *«Общей характеристике работы»*. Миграционная проблематика прочно вошла в круг исторических исследований молодых постсоветских историографий, и в данной работе предпринята систематизация достижений этих новаций, а также постановка новых проблем. С этой целью в *гл. 1 п. 2 «Источники»* рассмотрены информационные ресурсы сохранившихся источников. Особое внимание привлекает факт несходства источниковых баз, сохранившихся от московского и польско-литовского обществ XVI – начала XVII в. Данное несходство было вызвано различиями в политико-правовом и социальном устройстве российского и польско-литовского обществ, а также, в рамках нашей темы, спецификой памяти о мигрантах. В России они подвергались забвению, изгнанию из публичных дискурсов, а угроза приобщения их близких, оставшихся в России, к следственным делам о побегах составляла вытеснять жизнь заграничных родичей и из текстов частной документации.

В Речи Посполитой не менее трудным было сохранение мигрантами своего статуса, наследование и преемственность в передаче частных архивов. Результатом стало исчезновение почти всех архивов сотен москвитов, перешедших на польско-литовскую сторону. Исключениями служат лишь осколки документации архивов и частной корреспонденции высшей московской знати – кн. С.Ф. Бельского, И.В. Ляцкого, кн. А.М. Курбского и В.С. Заболоцкого.

Часть I «Идентичности московских эмигрантов в Речи Посполитой XVI – начала XVII в.» посвящена разработке категорий «изменник» и «москвит» в российской и польско-литовской книжности, социальной практике и международных отношениях.

В **главе 2 «Государственная измена: генезис идеи нелояльности в России»** показано, какие сдвиги произошли в представлениях о лояльности и нелояльности в России XV – начала XVII в. На осмыслении социальной причастности человека в эту эпоху сказывались представления о сообществе христиан, унаследованные от предшествующих форм социальной идентификации. Сдвиги в восприятии «народа» намечаются в летописных памятниках XIV – начала XV в. В них заметно, что церемониальное сообщество концентрируется вокруг московского митрополита, тогда как другие русские земли в сознании московских книжников присоединяются к этой церковной общности, входя в состав «народа», или выпадают из религиозной общности, обособляясь от московского «народа». Отступление Новгорода от Москвы, а также

борьба Литвы за русские земли в конце XV – начале XVI в. представлены московским летописанием как религиозное отпадение, «измена» христианской общности и православию.

До конца XV в. высшая светская власть на крестных ходах, переносах икон, траурных процессиях и праздничных «встречах» – часть московской паствы, несмотря на то, что летописи выстраивают иерархии самим изложением, порядком перечисления «всего народа». Лишь на соборах «покаяния» зарождается в церемониальной практике, а в опричнине получает институциональное воплощение идея двуединого главенства над «народом», при которой лояльность обретает двойное осмысление как религиозная причастность и как государственное подданство, и на основе этой новой системы представлений создается обособленная от церкви сфера светской лояльности, распространяемая в том числе и на духовенство.

Аномальным явлением в московской культуре середины – второй половины XVI в. можно считать те представления о «народе» и «Русской земле», которые князь А.М. Курбский высказал в эмиграции. Его понимание народа допускает участие «сынов русских» в представительных учреждениях, при этом русский народ («язык») – один из многих других «народов» в составе христианской республики. Его политический идеал империи основан на образцах «святой речи посполитой христианской» и Священной Римской империи как федерации княжеств и великих княжеств под властью одного избираемого монарха. Этот идеал, как мы показываем в другом месте нашей работы, был в сочинениях А.М. Курбского оборотной стороной ressentимента, что наделяло его исторические взгляды программностью, а сам идеал – ореолом упущенной исторической возможности.

Государственное понимание предательства в России, как и в Польско-Литовском государстве, еще в первой половине XV в. было обособлено от идеи церковной причастности. Между светским и сакральным существовала понятийная граница, не позволявшая распространять значения одной сферы на другую. Крестоцелование не создавало оснований для того, чтобы недобросовестных контрагентов отлучать от общины верных. Преступление против господаря (“*crimen lesae majestatis*” литовского права) квалифицировалось самим господарем, чей суд определял и меру преступления, и круг преступников, и санкцию. В польско-литовской традиции борьба шляхты за права усложнила, прежде всего, саму судебную процедуру, лишив гос-

подаря к началу XVI в. права выносить приговор шляхтичу без решения суда, лишая его собственности без достаточных на то оснований, держать его под стражей до вынесения приговора и т. д. Российская светская правовая традиция пошла по формально сходному пути, заимствовав к середине XVI в. из литовского или родственного ему права понятия, характеризующие дезертирство и побег от господаря и соединив их с понятием антигосударственного заговора. Однако, во-первых, единственным гарантом неприкосновенности для московского дворянства и знати было не светское законодательство, а церковь с ее правом «печалования» и крестоцеловальным обрядом. Как показали события 1520-х – 1530-х гг. целование креста на неприкосновенность личности было преодолимым препятствием для высшей власти, поскольку церковь допускала одностороннее снятие крестоцеловальных обязательств. С другой стороны, право «печалования» действовало лишь в той мере, в какой сама церковь и ее институты не попадали под обвинения в светском предательстве.

Во-вторых, в середине XVI в. под воздействием программы, изложенной в челобитных И.С. Пересветова, произошло слияние церковной и государственной квалификации «измены». Прежде всего, это выразилось в распространении самого понятия «измена» на круг светских преступлений. Если до начала XVI в. власти пользовались этим приемом при чрезвычайной необходимости, как последним аргументом, то с середины XVI в. обвинение в «измене» все чаще занимает место тех преступлений, которые были предусмотрены в ст. 61 Судебника 1550 г. Воздействие этого преобразования на символические процессы, на самосознание российской власти и ее отношения с оппозицией и вообще любой «крамолой» видно еще в доопричные годы, когда использование этого правового ресурса только намечается. На наш взгляд, преобразование, в результате которого родилось обвинение в государственной «измене», было направлено на обход церковных институтов, которые сохраняли монополию на религиозную составляющую высших государственных преступлений. Отныне светская власть по своему усмотрению распоряжалась тем символическим оружием, которое уничтожало причастность личности или любого числа личностей к сообществу «верных».

Последствием этого преобразования стал бурный рост дискурсов лояльности, их вплетение в тексты летописей, посольского ведомства, крестоцеловальные договоры власти с подданными, в церковное и светское законодательство. «Измену» отныне

можно приписать всякому, кто отзывается о царе или его семье «невежливо», царю «не прямит» или «льстит», замышляет «извести» царя и его семью, «отпадает» от царя, «бежит» от царя, восстает «на церковь», «лжет» или выдает государственные «тайны», наконец, любому, кто тем или иным образом «пристал», приобщился к изменнику. Доведенная до самоотрицания, эта обширная символическая грибница захватывает и саму высшую власть, накладывая на нее тень анти-иерархии, обрекая на протесты подданных, массовые бегства, обвинения в «измене» в адрес самой верховной власти.

В главе 3 ««Московия» и «московиты» в представлениях польско-литовского общества XVI – начала XVII в.» изучены дипломатические источники и частная корреспонденция литовских магнатов, сочинения С. Герберштейна и их переложения в польско-литовских хрониках середины XVI – начала XVII в. Дипломатические переговоры между Россией и Польско-Литовским государством носили инфраструктурное значение для формирования исторических знаний, официальные аудиенции были местом обсуждения и инсценирования историй, исторические нарративы стали частью посольского церемониала, а рождавшиеся «на злобу дня» посольские мифы оказывали воздействие на построения историков, становились предметом дискуссий, основной мишенью в исторической критике и консолидирующим фактором. Дипломатическое происхождение исторических моделей в период становления имперского сознания в России обрекало историю как форму знания на обслуживание международного статуса императора – царя и великого князя. В Речи Посполитой окружение короля также чутко следило за исторической конъюнктурой и не допускало отступлений от королевских интересов в исторической идеологии, формируя имперский этос Польско-Литовской унии одновременно в историографии, политике и социальном сознании.

Отличием королевской историографии от царской было исходное – в идеологическом подтексте – оборонительное, освободительное отношение к историческим моделям восточного соседа и иронический модус в их оценке. Перемены на «восточном фронте» побуждали к пересмотру исторического прошлого, что было делом короля, интеллектуалов-эрудитов и всей шляхты. Именно этот третий компонент внес решающее отличие в исторической идеологии двух противоборствующих империй. Шляхта имела доступ к историческим ресурсам, читала и сравнивала, поэтому коро-

левские универсалы, письма и устные обращения встречали понимание широких кругов польско-литовского общества, вызывали дискуссии. Нередко шляхта обсуждала и те исторические модели, которые вырабатывались в России, и поддерживала антимосковскую агитацию, ознакомившись с историческими воззрениями Ивана IV и его окружения.

Расцвет печатной историографии приходится в Польско-Литовском государстве как раз на период противостояния дипломатических дискурсов. До 1564 г. доминирующими в историографии были оценки «Москвы» в сочинениях Я. Длугоша, М. Меховского, С. Герберштейна. Уже в 1550-е годы М. Кромер и М. Бельский открыли для шляхты историю как действенное интеллектуальное оружие. Хроники оказали воздействие на парламентские и социальные структуры Речи Посполитой, становясь предметом обсуждения, служа образцом для ведения «дневников» сеймов и для создания семейных преданий шляхты (дневники, мемуары, *silva rerum*). Стремительный рост противостояния с Москвой отразился на исторической культуре, которая изменила образ противника в уже известных и в новейших исторических текстах (М. Бельский, М. Стрыйковский, А. Гваньини).

Вехой в формировании «московской тирании» было посольство в Москву Яна Кротоского 1570 г. Террор Ивана «по прозвищу Тиран» был испытан послами не по слухам, а «на самих себе». После возвращения послов на родину образцовым и самым тиражируемым текстом о России наряду с записками Герберштейна стали литературно обработанные донесения А. Шлихтинга, послужившие источником для печатных хроник М. Стрыйковского и А. Гваньини. Образ Ивана Грозного служил отныне образцом тирании, получил популярность благодаря «летучим листкам» и обсуждался в теоретических трактатах и памфлетах.

Российское прошлое пришло в Европу в восприятии С. Герберштейна, чье влияние на польско-литовскую общественную жизнь трудно переоценить. В польской нарративной истории, и прежде всего в хронике Кромера, это восприятие вызвало новые комментарии в ходе борьбы Москвы за легитимность царского титула и противостояния между Короной Польской и Великим княжеством Литовским за русские земли. На основе «Записок о Московии» и сочинений Посольского приказа, написанных от лица Ивана Грозного, М. Бельский переосмыслил и визуально воплотил российское прошлое в переиздании своей хроники. «Московит» был наделен хорошо знако-

мыми польско-литовским читателям качествами, соответствующими «идеальному варвару» – непримиримостью, алчностью, готовностью воспользоваться «древними правами» для осуществления своих завоевательных планов.

Попытки М. Стрыйковского смягчить этот образ в его исторической поэме «О началах», написанной в годы перемирия с Москвой, предполагали осторожное и в ряде случаев подчеркнуто комплиментарное отношение к имперским амбициям царя, служившим предметом ожесточенного дипломатического противостояния. Сравнение более поздней «Хроники» М. Стрыйковского с его исторической поэмой показало направление переработки концепции «московского участия» в «сарматском наследии». Хронист устранил из прошлого основоположника Пруссии, вызывавшего аналогию с мистифицированным в Посольском приказе братом императора Августа, внес в свой первоначальный текст критику московской легенды о Прусе, почти дословно совпадая в этой критике с королевским ответом Ивану Грозному, удалил отрывки, содержавшие намек на исторические «права» московитов, и ссылки на свои прочтения московских «хроник».

Примеры того, как Посольский приказ расширял свои исторические «exempla» и как в польско-литовских хрониках усиливались антимосковские акценты, подтверждают то, что политики, дипломаты, летописцы и хронисты России и Речи Посполитой во второй половине XVI в. обеспечили войну литературно-историческими обоснованиями, сформировали стереотипы, правдоподобность которых подкреплялась со стороны Москвы ссылками на «непригожие» речи, тексты и действия поляков, литвинов и «изменников» царя, а со стороны Речи Посполитой – демонстрируемыми в хрониках «баснями» российских «бахорев»-летописцев, дипломатов и Ивана IV.

Часть II «Интеграция московита в польско-литовское общество» представляет в диахронии и синхронии результаты исследования базы данных о пленных и мигрантах из России в Польско-Литовском государстве (Приложения I и II), и показывает, как наряду с прочими московитами проходила интеграция в польско-литовское общество таких первостепенных эмигрантов, как кн. А.М. Курбский, В.С. Заболоцкий, кн. М.А. Ноготков Оболенский, Т.И. Тетерин, братья У.В., Ал.В., Аг.В., П.В. Сарыхозины, Д.И. Бельский, М.И. Головин.

В главе 4 «Эмиграция из России: выталкивающие факторы» изучены причины выезда московитов в Корону Польскую и Литву, обоснованы хронологические

рамки этапов («волн») эмиграции. На основе широкого круга источников высказана гипотеза о трех «волнах» эмиграции в годы правления Ивана IV.

Первая приходится на 1533–1558 гг. Среди причин этого периода выделяются: плен (кн. С.Ф. Сицкий, кн. Ф.В. Овчина Оболенский, И.М. и М.М. Лыковы и др.), политическая борьба при московском дворе (кн. С.Ф. Бельский, И.В. и И.И. Ляцкие, кн. И.Д. Губка Шуйский, кн. С.В. Ростовский и др.), подозрения в заговоре Владимира Старицкого, антилитовские настроения в окружении Ивана IV (кн. М.В. Глинский, кн. И.И. Пронский), семейно-клановые конфликты в рядах московского боярства (В.С. Заболоцкий). Именно в этот период зарождается религиозное диссидентство, причем многим «еретикам» удается к концу 1550-х гг. перебраться в Литву (Артемий, Феодосий Косой, Игнатий, Вассиан, Фома). Возможным благоприятным фактором для выездов служило перемирие 1538–1561 гг., однако за мирным фасадом в этот период формируются препятствия для пересечения границ: выезд со службы московского государя уже накануне принятия Судебника 1550 г. воспринимается как нарушение лояльности, «измена»; поездки «за море» для получения университетского образования были редкостью; с другой стороны, политика польских суверенов препятствовала долгому пребыванию москвитов на польско-литовской территории без принятия королевского подданства.

В *Приложениях II.1* и *II.2* реконструированы биографии И.С. Пересветова и В.С. Заболоцкого. В *Приложении II.1 «Греческая «вера», турецкая «правда», русская «правда»...: От Ивана Пересветова до Ивана Федорова»* высказано предположение о том, что И.С. Пересветов идентичен печатнику Ивану Федорову, а Петр Губастый «Описи царского архива» – Петру Мстиславицу. Проекты И.С. Пересветова были направлены на утверждение в Российском царстве идеалов законодательной «справды», общехристианской веротерпимости, шляхетских свобод и шляхетской организации общества, совместной с другими христианскими государствами борьбы с татарами – т. е. комплекса мер, которые воплощались в Польско-Литовском государстве в 1520-е – 1550-е гг. и отчасти были реализованы в «реформах Избранной рады».

Приложение II.2 «Взлет и падение королевского фаворита: Владимир Семенович Заболоцкий» показывает, что В.С. Заболоцкий активно участвовал в политической жизни Речи Посполитой 1556–1580 гг., покровительствовал другим москвитам в Речи Посполитой, был приближенным Стефана Батория и крупнейшим землевладель-

цем-москвитом вплоть до своей гибели 24 апреля 1580 г. На основе новооткрытого судебного дела об убийстве В.С. Заболоцкого и других источников рассмотрены сведения о его положении при дворе, отношениях с литовскими магнатами, служебниках и мировоззрении накануне гибели.

Вторая «волна» эмиграции вызвана начавшейся Ливонской войной и охватывает весь первый этап боевых действий между Россией и Польско-Литовским государством, т. е. 1561–1570 гг., а также последующие годы вплоть до прихода к власти в Речи Посполитой Стефана Батория. Причины эмиграции в этот период тоже разнообразны и поддаются лишь условному обобщению. Ими послужили начавшиеся репрессии в государевом дворе, несогласие части московской элиты вести войну против единоверцев, церковные и политические судебные процессы и тайные убийства. Многие перебежчики входили в свиту крупных эмигрантов – кн. Д.И. Вишневецкого (1561 г.), кн. М.А. Ноготкова Оболенского (около 1563 г.), кн. А.М. Курбского (1564 г.). Видимо, одновременно к началу 1564 г. бежали Сарыхозины, Т.И. Тетерин, А.Ф. Кашкаров, Х.А. Валуев. Значительный приток москвитов в Польско-Литовском государстве возник из-за пленения воевод и детей боярских в военных походах – в битвах под Невелем, на р. Уле, под Сушей и т. д. Москвиты в эти годы участвуют в боевых действиях на стороне Сигизмунда II Августа. В работе приводятся данные о ротах москвитов на королевской службе, анализируются поименные списки таких рот из лущих гродских актовых книг и Архива королевской казны, приводятся данные о казаках-москвитях во время Ливонской войны, о пленении московских воевод ротой В.С. Заболоцкого и диверсии Тетерина и Сарыхозинных на Изборск в январе 1569 г.

Приложение II.3 «Герои Казани, Изборска и Бучача: Тетерины и Сарыхозины» содержит свод данных о королевских дворянах Тетеринных и Сарыхозинных. Записи судебных актовых книг литовских и коронных судов, акты Литовской Метрики, сведения «Истории» и корреспонденции кн. А.М. Курбского, «Польской хроники» И. Бельского, московских посольских книг и посланий Ивана Грозного, реестров Архива Королевской Казны и других источников позволили провести историко-биографическое исследование двух близких по статусу фамилий польско-литовских москвитов, восстановить их родственные связи и показать процесс их интеграции в новое общество вплоть до 1610-х гг.

Третья «волна» эмиграции приходится на время Московских походов Стефана Батория и охватывает 1576–1582 гг., продолжаясь до 1584 г., когда умер Иван IV. Причинами эмиграции в эти годы служили репрессии в Москве в середине 1570-х гг. и борьба придворных группировок (Д.И. Бельский, М.И. Головин). С другой стороны, в самих московских политических конфигурациях миграции, пребывание родственников в плену было выталкивающим фактором. Иван Грозный отказался простить своих изменников в случае восшествия на польско-литовский или литовский трон в годы «бескоролевий», а в правление Стефана Батория Посольский приказ, царские послания и литературные произведения создали образ изменнической угрозы, которым польско-литовские политики также пользовались, чтобы переманивать московских служилых людей на королевскую службу. Во время королевских походов на московские земли многие москвиты западных окраин России оказались на стороне интервентов. Походные дневники Р. Гейденштейна и Я. Петровского, переписка магнатов, данные Королевской казны, Литовская Метрика, актовые книги региональных судов Речи Посполитой и московские посольские книги позволяют реконструировать переходы на королевскую службу полоцких воевод, С. и И. Хлусовых, С. Костомарова, И.Г. Квашина Золотого, С.А. Криженина, М. Хвостова, Ф.И. Зубатова, Б. Слизова, В.Д. Ширагова, У.Г. Сутурмы и З.Г. Ступы Телесниных, И. и П.В. Кожошкиных, А. Борисова, И.Ф. Дурасовых и др. В Москве сильно преувеличивали роль «изменников» в военной агрессии короля на Россию, но информация об участии москвитов в походах короля находит многочисленные подтверждения.

Приложение II.4 «Этос изменника: Давид Бельский» представляет эмигранта этой «волны» – Д.И. Бельского. Со времен Н.М. Карамзина известные данные о его побеге дополнены и рассмотрены в контексте истории подготовки Великолуцкого похода Стефана Батория, показаны возможности реинтерпретации этих данных, приведены ранее не изучавшиеся сведения о жизни Д.И. Бельского и его жены кн. П.А. Ноготковой-Оболенской в Речи Посполитой до начала XVII в., обнаруженные в Литовской Метрике и актовых книгах ковенских судов.

Социально-культурные проблемы истории москвитов в Речи Посполитой рассмотрены в главе 5 «Эмиграция из России: притягивающие факторы и интеграция». Понятие «москвит», изученное нами в главе 3, представлено здесь в приложении к «своим» польско-литовским «москвитам». Испытав на себе систему этнополи-

тических различий, сформированную в ренессансной географической мысли («хорографии»), перебежчики из России вынуждены были считаться и с тем, как сказались эти различия на правовом статусе «чужеземцев». Анализ законодательства, разнообразных казусных высказываний польско-литовских жителей о москвитях и всей совокупности данных о примерно 800 москвитях показал, что на всем протяжении правления Ивана IV в России права и прерогативы его бывших подданных в Речи Посполитой расширились. Наряду с местными православными они получили религиозную свободу и равноправие с католиками в политико-административной сфере. Должность старосты занимали И.В. Ляцкий, кн. А.М. Курбский, В.С. Заболоцкий, хотя только Ляцким удалось сохранить позиции в польско-литовской элите. Во втором и третьем поколении потомки москвитов занимали локальные поветовые должности (П.И. Поросукон Угловский, кн. Я.М. Шуйский, кн. А.М. и кн. Я.М. Курбские Ярославские).

Допрос перебежчика позволял отнести его к одной из местных социальных категорий, сохранив «московскую» составляющую в его идентичности. Сохранились княжеский титул, чин сына боярского, дворцовый и дьяческий статус переводился в соответствие с литовской номенклатурой дворцовых должностей. Думный чин не сохранялся, но определял привилегированное положение москвитя в размере пожалований, военных должностях, неформальном престиже. Для москвитов существовала особая иерархия, которая позволяла уже самим перебежчикам укреплять свои права. Служилые люди от стрельцов до высшей знати получали в новом отечестве королевскую опеку: пожалование тканями и деньгами за выезд, пенсию «на хлебокормление» из господарской казны, временный земельный надел «до воли и ласки» короля, а в перспективе – мещанское имение или ленное владение на пожизненном и, крайне редко, на «вечном» праве. Брак на шляхтянке снимал с москвитя шлейф его прошлого, встраивал его в геральдический клан жены и приближал его социальное положение к положению местных полноправных шляхтичей («добрых людей»).

Положение рыцаря-служебника при сюзерене-пане для москвитя было сопряжено с непредсказуемыми поворотами судьбы, примеры которых показывают, что москвиты могли оказаться в широком диапазоне социальных позиций от слуги «выхованца» до урядника магнатского имения. На верхнем рубеже этого диапазона нередко появлялись и наиболее привилегированные москвиты-королевские дворяне.

Статус селян и мещан ничем не отличался от статуса местных жителей тех же социальных категорий. В фольварках шляхты, и особенно магнатов, а также в городской прислуге было много московской челяди, которая обычно оценивалась в диапазоне 1–10 коп грошей литовских и служила хозяевам бессрочно или по договору. Сведения о выкупе и освобождении москвитов-рабов крайне скупы.

Дискриминационные социальные стратегии коснулись не москвитов из отдельных социальных групп, а именно москвитов как единой этнополитической категории в составе местного населения. Их права никогда не приближались к правам евреев и татар, и в этом смысле вернее говорить об их социализации и аккультурации. Это же подтверждается фактом утраты московской идентичности уже первым поколением их потомков. Однако саму идентичность «москвита», которая присваивалась перебежчику пожизненно, это обрекало на аномальное, внесистемное, временное положение. Судебные акты фиксируют жалобы москвитов на словесные оскорбления и угрозы с этническими подтекстами со стороны местной шляхты. Десятки примеров свидетельствуют о саботаже и бегстве подданных из имений перебежчиков-москвитов, отказе шляхты служить в ротах москвитов, выдавливании перебежчиков из их пожалованных имений, чинимых местными жителями избиениях, изнасилованиях и убийствах. Отсутствие клановой защиты у москвитов и стремление обязать пришельцев круговой порукой вызвали к жизни гнездовой тип землевладения, при котором неразделенное имение предоставлялось в пользование без права распоряжения группе москвитов, семье, родственникам или «сябрам». Разделить такие имения и развести держателей было крайне трудно, и к концу XVI в. большинство таких имений перешли в руки отдельных держателей, были скуплены или отсужены у владельцев королевскими адвокатами («инстигаторами»).

Рост трудностей в закреплении прав чужеземцев на недвижимость был вызван борьбой литовской шляхты за свои права и новой победой, которая была закреплена в Литовском Статуте 1588 г. Москвиты лишились формального права получать имения на основе общего «земского права» и могли отныне пользоваться только королевской милостью. Между тем, корона не поддержала инициатив предшествующих монархов Речи Посполитой, что на рубеже XVI–XVII вв. привело к существенному ограничению прав и социальных перспектив местных москвитов, а Брестская уния сформировала религиозную границу между Россией и польско-литовским христиан-

ским миром. Запорожское казачество сохраняло на этом фоне привлекательность для перебежчиков, однако именно московские подтексты и мотивы казаческого движения вызвали ряд пропагандистских мер со стороны королевской власти еще в правление Сигизмунда II Августа и особенно в реформах Стефана Батория, а к началу XVII в. между образами москвитов и казаков установилось структурное подобие, сказавшееся на восприятии в Великом княжестве Литовском и Короне Польской казаческих восстаний, московской Смуты и местных военных конфедераций.

В части III «Князь Андрей Курбский: социальные репрезентации и самосознание» изучены биография, социальные статус, частная жизнь, самосознание, исторические представления кн. А.М. Курбского.

Проблемы социальной мобильности москвиты в России и Речи Посполитой и репрезентаций эмоционального мира, телесности, семейных стратегий рассмотрены в главе 6 «Социальный статус и частная жизнь». В разделе «Социальный статус» показано, как преодолеваются трудности в изучении источников московского и польско-литовского происхождения, свидетельствующих о продвижении москвиты в его отечестве и в эмиграции по социальным ступеням.

В России карьера кн. А.М. Курбского была построена на восхождении «по степенем» военной службы. Его неформальный престиж был обязан той системе «воздаяний», которая была создана Избранной радой. Подвиги Курбского, его кровь «яко вода пролитая» получили отклик в официальном московском дискурсе. Иначе формировался статус Курбского в Речи Посполитой. Военная служба довольно быстро теряет для него карьерный смысл: его военные проекты, подвиги и ранения не интересуют новых соотечественников. Он погружается в амбициозные планы захвата Москвы, создания антитурецкой Лиги, составления свода четырех православных текстов, возведения православного кандидата на польско-литовский трон и т. д. Возвращение Курбского на войну происходило на фоне выпадов Ивана Грозного в его адрес – внимание царя к его персоне приводило к росту шансов на повышение авторитета. Однако преувеличение его военных достоинств российской стороной вызывало иронию в окружении Стефана Батория, а в условиях явного перевеса польско-литовских сил символ освобожденного москвиты был менее актуален, чем в годы правления Сигизмунда II Августа.

Важнейшие имущественные достижения А.М. Курбского пришлось на канун Люблинского сейма, но именно в ответ на эту бурную деятельность князя шляхта выступила на сейме с протестами против его имущественного положения. С постановлением Люблинского сейма 1568–1569 гг. связана утрата Курбским одного из староств и составление полномасштабного поименного инвентаря его волыньских имений, который приведен в налоговых отчетах 1576 г.

В то же время общественное мнение было настроено против князя: прежде всего, он – выскочка-московит, изменивший своему государю, он обращается с женой и подданными, как варвар, и сами его подданные – варвары. Бракоразводный процесс Курбского, подробно рассмотренный в разделе «*Частная жизнь*» главы 6, сопровождался ударами по его репутации, разрушающими образ цивилизованного московита. Надежды Москвы на то, что Курбский попадет в немилость к Стефану Баторию, не оправдались, но усилия по дискредитации государева изменника были возобновлены и предпринимались вплоть до его смерти.

Борьба волынской шляхты против Курбского не имела ничего общего с московской пропагандой, но была временами не менее ожесточенной. Князь слышал угрозы расправы, пережил несколько покушений и сам обвинялся в заказных убийствах. Войны с кн. А.И. Вишневецким и другими соседями, бракоразводный процесс и конфликты с местным боярством не только ослабляли его имение, но и подрывали доверие к нему у местной шляхты, лишали его служебников. Несοοобразности в статусе его второй семьи, отказы ковельских землевладельцев от военной службы и легшее на Ковель в правление Стефана Батория налоговое бремя отличали социальное положение князя первых лет его эмиграции от 1576–1583 гг. Частые болезни, литературно-религиозное творчество, семейные и феодальные конфликты отрывали его от активной придворной жизни, которая в правление Сигизмунда Августа компенсировала его скромные успехи по реализации амбициозных политических проектов. Князь, как и раньше, беспокоился за свою жизнь, и королевский суд в какой-то мере защищал его от покушений, хотя и был бессилен в конфликтах вроде того, который в апреле 1580 г. закончился убийством В.С. Заблоцкого.

Как московит и представитель королевской власти на Волини Курбский, проводивший основное время в своих волыньских имениях, испытывал проблемы с легитимностью. Результаты решения этих проблем не были стабильными, и в конфликт-

ных ситуациях князь со своими служебниками попадал в изоляцию как чужеземец. Как представитель польского короля он пользуется особым правом судиться на королевском суде или при представителях короля, подписывается польской и латинской подписью в волынских судах, нарушая нормы II Литовского Статута и постановления Люблинского сейма. Московиты попали, по словам Курбского, в «негостелюбное» окружение. В своих поздних сочинениях он критикует польско-литовскую шляхту за нерадение в деле защиты отечества от «неверных». Вместе с тем из своеобразного «локального патриотизма», поддерживая своих слушателей и читателей, подыгрывая их «полонофобии», князь высказывает похвалы в адрес доблестных воинов-волынцев.

Среди знакомых князя в Речи Посполитой были сенаторы Короны Польской и Литвы, но для самого А.М. Курбского подобное положение было недостижимым. Его «второе место» после киевского воеводы в литовской иерархии и участие на посольском приеме «в шестых» по правую руку от короля, любая степень социально-политического лидерства на Волыни после получения Ковеля – это примеры «статусной игры», которую несложно отличить от «воображаемого статуса», «статусной самоидентификации» и от «реальных» социальных структур. В поздних сочинениях он заостряет свой авторитет, мысленно возвращается в годы своей славы, поучает своих волынских друзей-шляхтичей, создает особую образовательную программу для православных. Так, на сей раз уже в сочинениях самого А.М. Курбского, рождается образ первостепенного политика, борца с тиранией, непобедимого воина. Было бы упрощением считать этот образ исключительно ретроспективным – например, компенсаторным, ностальгическим, рессентиментным. Отказ от военной службы показывает, что князь в новом отечестве относился к общественной жизни примерно так же, как и на родине. Он стремился сформировать вокруг себя ауру, которая обособила бы его от устоявшихся структур социальной иерархии. Единственным социальным механизмом, которому князь продолжал придавать значение, связывая с ним надежды на последующее «вхождение» в состав местной элиты, было родство и наследование.

Бракоразводный конфликт Курбского с княжной М.Ю. Гольшанской 1578–1582 гг. интересен обилием произведенных на разных его этапах высказываний о московитах, а также следами повседневных практик, которые уявляют и одновременно скрывают не только устойчивые смыслы и мотивы конфликта, но и тактические рационализации, запутывают ход «дела» и требуют особой исследовательской техни-

ки, цель которой – не единый сценарий событий, а ряды возможных сценариев. Со-
 поставление сценариев показывает, как соединяются в судебном столкновении сте-
 реотипы, возникшие вокруг «москвитов», взаимные судебные уловки супругов, не-
 сходные демографические идеалы, потестарные стратегии в семейных отношениях,
 дисбаланс эмоционального мира, наконец, как публичные дискурсы пронизывают ча-
 стную сферу и стирают грань между частным и публичным.

В главе 7 «Самосознание и социокультурные идентичности А.М. Курбско-
 го» на основе литературного корпуса А.М. Курбского изучены его самооценки, соци-
 ально-политические предпочтения и конструкции, историческая память, представле-
 ны аргументы в обоснование того, что князь в Речи Посполитой сформировал цело-
 стный политический идеал и боролся за его реализацию.

В разделе «Княжеский идеолог» обосновано, что А.М. Курбский был последо-
 вателен в употреблении понятий власти вообще и княжеской власти в частности. Он
 нигде не высказывает несогласия с объединением русских земель, расширением гра-
 ниц и завоеванием татарских государств. Его идея превращения Русской земли в Свя-
 торусское царство предполагает, что восстанавливается Великая Русь конца X – нача-
 ла XIII в. (в этом его идеал сходен с современной ему московской имперской доктри-
 ной), создается Святая Русь, равноправная с западной христианской империей, а цар-
 ский статус земли и великого князя выстрадан долгосрочной борьбой за независи-
 мость и духовным очищением царя и получен по благословию константинополь-
 ского патриарха. При таком понимании современности расширение полномочий
 бывших великих князей до королевских, а князей – до герцогских являлось бы шагом
 не к феодальной раздробленности, а к империи. Титульные характеристики, рассу-
 ждения о носителях высшей власти, языковые глоссы и комментарии в основном тек-
 сте Сборника Курбского подтверждают этот вывод и показывают, что святых князей,
 их потомков и всех князей А.М. Курбский считает опорой империи. Впрочем, не
 единственной. Могущество Руси создано, по его мысли, не только князьями, но и
 боярами, дворянами, а в некоторых случаях помогали даже советы «всенародства».

А.М. Курбский не требует свержения несправедливого царя, и все мученики, о ко-
 торых он пишет, терпеливо сносили гонения несправедливых князей мира и церкви. Об-
 винения в заговоре против царя на стороне Владимира Старицкого опровергнуты в
 Третьем послании Курбского. Отрицательным примером служит великий князь Мос-

ковский Василий III, который, по мнению Курбского, погубил легитимно венчанного царя – внука Ивана III Дмитрия Ивановича. Обвинение в государственном перевороте обращено в Сборнике Курбского против предков царя и его самого: он со своими опричниками разрушает единое государство. Трудно обнаружить в текстах Курбского подтверждение тезиса о его выступлении против государственного единства или против царской власти. Напротив, «Святорусская империя» осмыслена в них как «вещь общая» (в глоссах к сборникам из книгописной мастерской князя использованы латинская транслитерация «республика» и рутенская калька «посполитая речь»). Торжества теократической «вещи общей христианской» можно было достичь в правление царя Ивана и Избранной рады, завоевав, по словам Курбского, «мало не всю вселенную».

Таким образом, князь А.М. Курбский был сторонником единой православной империи, во главе которой видел легитимно венчанного царя и великих князей, мера власти между которыми не была бы предметом раздоров и взаимной ненависти. Царская власть при этом выполняла бы репрезентативные функции и была бы высшей наградой за «целомудрие», тогда как управление землей предполагалось гармонично распределить между носителями герцогских полномочий по аналогии со Священной Римской империей и даже с русскими великими княжествами в эпоху ордынской зависимости.

Раздел «Социальная память» главы 7 призван показать, как история служит для кн. А.М. Курбского актуальным полем для выработки и обоснования идеалов. Историкографические образы Курбского как идейного врага единого государства или безыдейного воина не находят подтверждения в силу того, что источнику навязаны далекие от него единицы поиска. Своему идеалу «Святорусского царства» (империи) князь находит многочисленные обоснования в истории царств, и не только иудео-христианского мира. В домонгольской Русской земле, по его мысли, была создана «Великая» Русь, в которой власть принадлежала сразу всему княжескому роду. И даже в правление монголов «власть старшая русская» принадлежала не одной части княжеского рода («пленице»), а передавалась от одних князей к другим. Среди легитимных глав Русской земли Курбский называет киевских, суздальских, тверских и московских князей. Московские князья нарушили нормальное политическое устройство не тем, что приняли верховенство среди князей, а тем, что тиранично распоря-

жались властью, уничтожая своих родичей, незаконно отнимая владения, унижая слуг монгольским обращением с ними как с «холопами».

По мнению кн. А.М. Курбского, в период Избранной рады сложились основы для воссоздания империи-республики в Русской земле. После боярского правления были прекращены распри в окружении великого князя. При дворе появились мудрецы, избравшие компетентный в государственных делах совет и подчинившие «степень» или «сан» интересам службы. Персональный состав Избранной рады, ставший предметом острой дискуссии благодаря исследованиям С.В. Бахрушина, представлен в сочинениях А.М. Курбского не как коалиция мудрых и добродетельных советников, одаренных Святым Духом, подобно библейским образцам состоящая из трех кругов: в первый входят ближайшие к царю мудрецы, его лидеры Сильвестр и А.Ф. Адашев (митрополит Макарий присоединился к лидерам, однако инициаторы совета – «сие мужие два»); во второй – апостольский «синклит», в число которого входили перво-советники, «синглиты избранные рады» окольничие и бояре (кн. М.П. Репнин, кн. Ю.И. Кашин, кн. Д.И. Курлятев, кн. П.С. Серебряный, кн. И.И. Пронский Турунтай, И.В. Шереметев Большой, Н.В. Шереметев, И.И. Хабаров, В.В. Морозов, Л.А. Салтыков, М.Я. Морозов и кто-то из Колычевых); в третий – «все предобрые и преподобные мужи» (светские феодалы и духовенство). Совет упорядочил государственное устройство, установил благочестие и, подавив «внутреннего дракона», создал выгодные условия ведения войны против «внешнего дракона». Объединительная для знати роль Москвы, деперсонализация чиновничества, традиционные узы родовых межкняжеских отношений и дружба царя с одаренными советниками не входят противоречие друг с другом в его мировоззрении. А.М. Курбский был сторонником всего комплекса мер, предпринятых «избранными» советниками, но эти меры были направлены на ограничение царской власти в том ее самодержавном понимании, которое воплотилось в опричнине. Преобразования Избранной рады, согласно его «Истории», вели к осуществлению политического идеала «речи посполитой» и к расширению участия нетитулованного дворянства и «всенародства» в делах Святорусской империи.

В **Заключении** подведены итоги исследования, предпринята попытка свести воедино результаты трех частей диссертационной работы, отклонены неподтвержденные предположения и историографические конструкты, намечены проблемы для будущих исследований.

Приложения I–III содержат данные, которые анализируются на протяжении всей работы и особенно в главах 4, 5 и 6: I – «Каталог пленных и перебежчиков из России в Речи Посполитой (середина XVI – начало XVII в.)»; II.1–4 – «Социально-культурный портрет москвиты в польско-литовской эмиграции»; III – «Ковельские имена: Данные налоговых реестров (1569–1589 гг.)». В основу исследования была положена база данных (Приложения I–II), в которую включались упоминания москвитов, выехавших на польско-литовскую службу или долгое время пребывавших в польско-литовском плену в период с 1530-х гг. по начало XVII в. Всего обнаружены сведения о примерно 800 москвитях всех сословий в Польско-Литовском государстве, не считая тех их супруг(ов) и потомков, которые родились за пределами России. Эта база данных не охватывает также выходцев из Российского государства, которые имели санкцию московской светской или духовной власти на проезд через границу (дипломатические агенты, купцы, паломники), а также тех пленных, чей плен прекратился до окончания боевой операции (отпущенных из плена или умерших в плену). Приложение III, содержащее сводные данные о налоговых сборах с Ковельского старосты кн. А.М. Курбского, составлено на основе данных из рукописи AGAD. ASK. Dz. I. Ks. rob. № 31. Нами введены в научный оборот как данные реестров (частично публиковавшихся А. Яблоновским), так и ранее не изучавшегося инвентаря ковельских имений 1576 г.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

I. Монографии

- 1) Ерусалимский К.Ю. Сборник Курбского: Исследование книжной культуры / К.Ю. Ерусалимский; отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Знак, 2009. Т. 1. 881 с. (55 а. л.); Т. 2. 536 с. (23 а. л.).

II. Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК

- 2) Ерусалимский К.Ю. «Мы хотели их казнить...»: Русские эмигранты в Речи Посполитой / К.Ю. Ерусалимский // Родина. 2004. № 12. С. 64–67 (0,5 а. л.).
- 3) Ерусалимский К.Ю. [Рец.] // Отечественная история. 2006. № 2. С. 149–152 (0,4 а. л.). – Рец. на кн.: Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen / hrsg. A. Kappeler. Wiesbaden, 2004. 430 s. (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 63).
- 4) Ерусалимский К.Ю. Ливонская война и московские эмигранты в Речи Посполитой / К.Ю. Ерусалимский // Отечественная история. 2006. № 3. С. 71–89 (1,6 а. л.).
- 5) Ерусалимский К.Ю. Новое о выезде Курбских (Крупских) в Россию из Речи Посполитой / К.Ю. Ерусалимский // Проблемы источниковедения. М., 2006. Вып. 1 (12). С. 362–379 (0,9 а. л.).

- 6) Ерусалимский К.Ю. Сборник Курбского и его читатели / К.Ю. Ерусалимский // Вестник РГГУ: Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». М., 2008. № 10/08. С. 82–100 (1 а. л.).
- 7) Ерусалимский К.Ю. Андрей Курбский – идеолог княжеской власти: Опыт реинтерпретации / К.Ю. Ерусалимский // Древнейшие государства на территории Восточной Европы. 2005 г.: Рюриковичи и российская государственность. М., 2008. С. 371–406 (1,9 а. л.).
- 8) Ерусалимский К.Ю. «Народ московский»: Московиты-эмигранты в Речи Посполитой / К.Ю. Ерусалимский // Родина. 2010. № 10. С. 71–73 (0,5 а. л.).
- 9) Ерусалимский К.Ю. Между канонизированными и демонизированными: Казни Ивана Грозного в культурно-символической интерпретации (рассуждения над книгой А.А. Бульчева) / К.Ю. Ерусалимский // Одиссей: Человек в истории: Путешествие как историко-культурный феномен. 2009. М.: Наука, 2010. С. 361–390 (1,8 а. л.).
- 10) Ерусалимский К.Ю. Московский боярин, литовский староста, королевский слуга: Европейская карьера В.С. Заболоцкого / К.Ю. Ерусалимский // Российская история. 2011. № 4. С. 88–102 (1,7 а. л.).
- 11) Ерусалимский К.Ю. Греческая «вера», турецкая «правда», русское «царство»...: еще раз об Иване Пересветове и его проекте реформ / К.Ю. Ерусалимский // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Литературоведение и фольклористика». М., 2011. № 7(69)/11. С. 87–104 (1,1 а. л.).
- 12) Ерусалимский К.Ю. Natiōe Moschus: Идентичность выходцев из Московского государства в Речи Посполитой XVI – начала XVII в. / К.Ю. Ерусалимский // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. История / Studia classica et mediaevalia». М., 2011. № 14(76)/11. С. 326–352 (1,5 а. л.).
- 13) Ерусалимский К.Ю. «Издать Курбского так, как он заслуживает»: К вопросу об археографической деятельности Н.Г. Устрялова / К.Ю. Ерусалимский // Археографический ежегодник за 2006 год. М., 2011. С. 249–261 (1,1 а. л.).

III. Статьи в профессиональных журналах и научных сборниках, доклады на конференциях

- 14) Ерусалимский К.Ю. Идеальный совет в «Истории о великом князе Московском» / К.Ю. Ерусалимский // Текст в гуманитарном знании: Материалы межвузовской научной конференции 22-24 апреля 1997 г. М., 1997. С. 73–87 (0,5 а. л.).
- 15) Ерусалимский К.Ю. «Город» и «народ» в социальных представлениях А.М. Курбского / К.Ю. Ерусалимский // Экономика, управление, демография городов Европейской России XV-XVIII веков: История, историография, источники и методы исторического исследования: Материалы научной конференции: Тверь, 18–21 февраля 1999 г. Тверь, 1999. С. 117–122 (0,2 а. л.).
- 16) Ерусалимский К.Ю. Книга Василия Тимковского о князе Курбском / К.Ю. Ерусалимский // Источниковедение и краеведение в культуре России. Сборник к 50-летию служения С.О. Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 380–383 (0,2 а. л.).
- 17) Ерусалимский К.Ю. Текстологическое изучение «Истории о князя великого Московского делех» в кодикологическом исследовании «Сборников Курбского» / К.Ю. Ерусалимский // Вспомогательные исторические дисциплины: Специальные функции и гуманитарные перспективы: Тез. докл. и сообщ. науч. конф.: Москва, 1–2 февраля 2001 г. М., 2001. С. 49–52 (0,2 а. л.).
- 18) Ерусалимский К.Ю. Андрей Курбский и Иван Грозный: борьба филологий (по поводу двух работ В.В. Калугина) / К.Ю. Ерусалимский // *Russia Mediaevalis*. München, 2001. Т. X, 1. С. 303–324 (1,1 а. л.).
- 19) Ерусалимский К.Ю. Первое послание Курбского в Первое послание Грозного: источниковедческие проблемы / К.Ю. Ерусалимский // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Доклады и тезисы XIV научной конференции: Москва, 18–19 апреля 2002 г. М., 2002. С. 212–213 (0,1 а. л.).

- 20) Ерусалимский К.Ю. К вопросу об исторических представлениях Курбского / К.Ю. Ерусалимский // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2002. Вып. 12. С. 33–52 (1,2 а. л.).
- 21) Ерусалимский К.Ю. Конструирование современности в «Истории о великом князе Московском» А.М. Курбского: постановка проблемы / К.Ю. Ерусалимский // Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии: XIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто: Москва, 17–19 апреля 2002 г. Материалы конференции. М., 2002. С.68–74 (0,3 а. л.).
- 22) Ерусалимский К.Ю. Об исторических представлениях А.М. Курбского / К.Ю. Ерусалимский // Вестник общества исследователей Древней Руси за 2000 г. М., 2002. С. 71–80 (0,4 а. л.).
- 23) Ерусалимский К.Ю. Понятие «история» в русском историописании XVI века / К.Ю. Ерусалимский // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени / отв. ред. Л.П. Репина. М., 2003. С. 365–401 (2,6 а. л.).
- 24) Ерусалимский К.Ю. История одного развода: Курбский и Гольшанская / К.Ю. Ерусалимский // Соціум. Альманах соціальної історії. Київ, 2003. Вип. 3. С. 149–176 (2,7 а. л.).
- 25) Ерусалимский К.Ю. Как сделана «История» А.М. Курбского: проблемы хронологии текста / К.Ю. Ерусалимский // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2004. Вып. 11. С. 591–618 (1,3 а. л.).
- 26) Ерусалимский К.Ю. Представления Андрея Михайловича Курбского о княжеской власти и русских князьях IX – середины XVI века / К.Ю. Ерусалимский // Соціум. Альманах соціальної історії. Київ, 2004. Вип. 4. С. 71–100 (3 а. л.).
- 27) Ерусалимский К.Ю. Изучение в российской историографии 1991–2003 гг. культурных и литературных связей России и Великого княжества Литовского (А.М. Курбский и курбскиана в историографии рубежа веков) / К.Ю. Ерусалимский // Велике княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг.: Матэрыялы міжнар. круглага стала «Гісторыя вывуч. Вялікага княства Літоўскага. 1991–2003 гг.»: Гродна, 16–18 траўня 2003 г. Мінск, 2004. С. 25–30 (0,3 а. л.).
- 28) Ерусалимский К.Ю. Российская историография изучения истории Великого княжества Литовского в 1991–2003 гг.: Библиографический указатель / К.Ю. Ерусалимский, А.В. Кузьмин, А.И. Филлошкин // Велике княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг.: Матэрыялы міжнар. круглага стала «Гісторыя вывуч. Вялікага княства Літоўскага. 1991–2003 гг.»: Гродна, 16–18 траўня 2003 г. Мінск, 2004. С. 37–100 (0,3 а. л.).
- 29) Ерусалимский К.Ю. Курбский как ренессансный историк / К.Ю. Ерусалимский // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения: XVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. IV Чтения памяти доктора исторических наук Александра Александровича Зимина: Москва, 19–22 апреля 2005 г. Тезисы докладов. М., 2005. Ч. 2. С. 194–198 (0,25 а. л.).
- 30) Ерусалимский К.Ю. Потомки А.М. Курбского / К.Ю. Ерусалимский // Ad fontem / У источника. Сборник статей в честь чл.-корр. РАН Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005. С. 350–376 (2,1 а. л.).
- 31) Ерусалимский К.Ю. Историческая память и социальное самосознание Андрея Курбского / К.Ю. Ерусалимский // Соціум. Альманах соціальної історії. Київ, 2005. Вип. 5. С. 225–248 (2,3 а. л.).
- 32) Ерусалимский К.Ю. От истории российской дипломатии к дипломатической истории России: новая концепция российской политики середины XVI в. // Соціум. Альманах соціальної історії. Київ, 2005. Вип. 5. С. 263–275 (1,1 а. л.). – Ред. на кн.: Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003.
- 33) Ерусалимский К.Ю. История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI века / К.Ю. Ерусалимский // История и память: Историческая культура Европы до начала нового времени / под ред. Л.П. Репиной. М., 2006. С. 664–731 (3,7 а. л.).

- 34) Ерусалимский К.Ю. Исторические ехемпла Посольского приказа / К.Ю. Ерусалимский // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб., 2006. С. 307–328 (1 а. л.).
- 35) Ерусалимский К.Ю. «Изменным обычаем»: Ливонская война и представления о государственной измене в России / К.Ю. Ерусалимский // Соціум. Альманах соціальної історії. Київ, 2006. Вип. 6. С. 61–84 (1,5 а. л.).
- 36) Ерусалимский К.Ю. Андрей Курбский как ренессансный историк / К.Ю. Ерусалимский // Время – история – память: Историческое сознание в пространстве культуры / под ред. Л.П. Репиной. М., 2007. С. 181–226 (2,6 а. л.).
- 37) Jerusalmiski K. Rosyjska emigracja w Rzeczypospolitej w drugiej połowie XVI w.: nowe problemy, źródła, interpretacje / К.Ю. Ерусалимский // Канструкцыя і дэканструкцыя Вялікага княства Літоўскага: Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі: Гродна, 23–25 красавіка 2004 г. Мінск, 2007. С. 143–163 (1,5 а. л.).
- 38) Ерусалимский К.Ю. Прочтение ренессанса историографией барокко: сборник Курбского в исторической культуре России конца XVII – начала XVIII века / К.Ю. Ерусалимский // Человек в культуре русского барокко. Сборник статей по материалам международной конференции ИФ РАН: Москва, Историко-архитектурный музей «Новый Иерусалим». 28–30 сентября 2006 г. М., 2007. С. 386–408 (1,25 а. л.).
- 39) Ерусалимский К.Ю. Гендерная асимметрия в средневековой Волыни: (по поводу исследований Н. Старченко) / К.Ю. Ерусалимский // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / под ред. Л.П. Репиной. М., 2007. № 13. С. 261–275 (0,65 а. л.).
- 40) Ерусалимский К.Ю. Долгий XVII век в России: антропологическая перспектива / К.Ю. Ерусалимский // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 662–680 (1 а. л.).
- 41) Ерусалимский К.Ю. Идеология истории Ивана Грозного: Взгляд из Речи Посполитой / К.Ю. Ерусалимский // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С. 589–635 (2,25 а. л.).
- 42) Ерусалимский К.Ю. Понятия «народ», «Россия», «Русская земля» и социальные дискурсы Московской Руси конца XV–XVII в. / К.Ю. Ерусалимский // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время / под ред. М.В. Дмитриева. М., 2008. С. 137–179 (1,5 а. л.).
- 43) Ерусалимский К.Ю. 30 апреля 1564 года / К.Ю. Ерусалимский // Между Москвой, Варшавой и Киевом. К 50-летию проф. М.В. Дмитриева. М., 2008. С. 125–193 (3,5 а. л.).
- 44) Erusalimskiy K. Orthodox Roots of National Identity: The Notion “Russian People” in the Pre-Modern and Early-Modern Muscovy and Ruthenia / К.Ю. Ерусалимский // Humanism in the European Science and Culture: Humboldt-Kolleg (VIP Conference) Organized on the Occasion of the 20th Annual Jubilee of the Foundation of Societas Humboldtiana Polonorum and 150 Anniversary of the Death of Alexander von Humboldt: Lublin, 7–10 May 2009. Lublin, 2009. P. 87–88 (0,1 а. л.).
- 45) Ерусалимский К.Ю. Прус и «Прусский вопрос» в дипломатических отношениях России и Речи Посполитой 1560-х – начала 1580-х гг. / К.Ю. Ерусалимский // Хорошие дни: Памяти Александра Степановича Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М., 2009. С. 276–293 (1,5 а. л.).
- 46) Ерусалимский К.Ю. Историческая память России и Речи Посполитой в годы Ливонской войны / К.Ю. Ерусалимский // Балтийский вопрос в конце XV – XVI в. М., 2010. С. 303–332 (1,5 а. л.).
- 47) Ерусалимский К.Ю. Родословное древо или Пальма тирании: переоценки прошлого Русской земли в XVI веке / К.Ю. Ерусалимский // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад. М., 2010. С. 616–654 (2,3 а. л.).
- 48) Ерусалимский К.Ю. Социальный статус А.М. Курбского в России и Речи Посполитой / К.Ю. Ерусалимский // Silva rerum nova: Штудыі ў гонар 70-годдзя Георгія Я. Голенчанкі. Вільня; Мінск, 2009. С. 105–121 (1,5 а. л.).

49) Erusalimsky K. The Idea of State Treason and Political Secularization in Early-Modern Russia, Poland and Lithuania / К.Ю. Ерусалимский // *Biomedical Engineering: Nutraceuticals, Biomedical Remedies and Physiotherapeutic Methods for Prevention of Civilization-Related Diseases*. 2011. Vol. 4. P. 347–350 (0,2 а. л.).